Снежить

Автор:
Татьяна Корсакова

Снежить

Татьяна Владимировна Корсакова

Королева мистического романа

В далеком северном городе Хивусе неладно. Голос беды все неотвратимее слышится сквозь унылое завывание метели, а белая смерть с каждым днем подходит все ближе. Гибнут животные, умирают люди, и похоже, что самое страшное еще впереди.

Когда Гальяно предложил друзьям отправиться в путешествие на Север, никто еще не догадывался, чем обернется эта поездка. Если путь тяжел для суровых, закаленных мужчин, что же говорить о непрошеной гостье в их мужской компании. Но и у Вероники есть своя тайна…

Татьяна Корсакова

Снежить

© Корсакова Т., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Веселов

Это была авантюра! Авантюра чистой воды! Но, подписавшись на нее, соскакивать никто даже и не подумал.

Собирались быстро, в рекордно короткие сроки, считай, за месяц урегулировали все дела на Большой земле. Да, они уже начали считать свой привычный скучный мир Большой землей! Как несмышленые пацаны, честное слово! Хотя, если уж начистоту, несмышленышем ни один из них не был: все состоявшиеся, вполне себе обеспеченные, бывалые. Но все равно пацаны, потому что только пацан добровольно, да еще и с радостью согласится на такое безрассудство.

Идею подкинул Гальяно. Кто бы сомневался?! Вот как-то получалось у него замутить что-нибудь такое-этакое! С легкостью, надо сказать, получалось. «Лидерские качества», – говорил Гальяно. «Слабоумие и отвага», – думал Веселов. Думать-то думал, а в списке отважных и слабоумных был вторым после Гальяно. В прошлом году они участвовали в автогонке по Сахаре. Не ралли «Париж – Дакар», конечно, но тот еще экстрим. Причем экстрим начался сразу на этапе подготовки и всяких там бюрократически-таможенных заморочек. Одно дело – десантироваться в центре Африки налегке и совсем другое – перекинуть туда технику. Но справились! То ли лидерские качества помогли, то ли бабки, то ли просто везение. Хотя насчет везения Веселов мог бы поспорить. Ту песчаную бурю они еще очень долго будут вспоминать. А песок из салона своего внедорожника он выгребал, наверное, еще полгода после возвращения. Из мыслимых и немыслимых мест! Зато Гальяно, шельмец, как-то враз стал звездой «Ютьюба». Сам стал и всех остальных, безвинных жертв своей неуемной гордыни, звездами сделал.

Сначала снимали для себя, для архива. Репортаж начали прямо от крыльца гальяновского дома. По приколу, так сказать, по очереди. Но лучше всего получалось именно у Гальяно. Была у него чуйка и на красивый кадр, и на крутые сцены. И друзья, безвинные жертвы его авантюры, по факту выходили крутыми брутальными мужиками, чистыми берсерками, покорителями непознанных земель. С Гальяно, конечно, никому из них было не сравниться, но

у каждого из них хватало и последователей, и поклонниц. А потом и спонсоры подтянулись. Кто бы думал, что у ютьюбовского баловства может оказаться такой потенциал?! Вот, к примеру, сейчас бюрократические заморочки оказались бы уже не их проблемами, а заботой спонсоров. И монетизация канала, опять же. Гальяно все пытался «делиться награбленным», но они отмахивались. Не такие уж там деньги, чтобы их делить! Да и понимали все, что канал держится исключительно на его харизме и энтузиазме. Передумает Гальяно быть звездой «Ютьюба», и закроется лавочка. Были берсерки, крутые мэны, да все вышли! Но Гальяно пока не передумывал. Все еще с энтузиазмом забавлялся с этими интернет-игрушками. И как только Лена терпела? Наверное, от большой любви. Потому что, несмотря на харизму и сонмы поклонниц, любил Гальяно только свою жену. Да что там любил?! Боготворил! И сына своего, которого в узком семейном кругу звали Денисом Гальянычем, обожал. У Гальяно всегда получалось жить на полную катушку: и любить, и дружить, и искать приключения на пятую точку.

Он позвонил Веселову в середине декабря, сказал, не здороваясь:

– Димон, есть тема! На все про все у нас пару недель. Управимся?

– Управимся. – Хотя, по-хорошему, сначала нужно было спросить, что за тема, но кто ж думал, что тема внезапно окажется такой масштабной и даже экстремальной!

Детали предстоящей экспедиции – а Гальяно запланировал целую экспедицию! – обсуждали в «Тоске» под привычные и милые сердцу унылые завывания очередного непризнанного дарования из андерграунда. Дарований регулярно пригревал под своим крылом Жертва, хозяин «Тоски». Пригревал, ждал, пока птенцы несмышленые оперятся, и выпускал в большую жизнь. К слову сказать, в мире андеграунда у Жертвы были имя и вес, стать его протеже мечтали многие, но счастье выпадало единицам. И уж если выпадало, то держались за предоставленную возможность «птенцы» крепко – и когтями, и клювами, соглашались работать за миску похлебки и хмурый взгляд благодетеля. И как у Жертвы получалось овладевать умами и душами? Веселов не понимал, хотя сам – что греха таить! – гордился знакомством со столь неординарным человеком. Ну и статусом ВИП-клиента тоже гордился. Несмотря на мрачность антуража и нарочитую неприветливость персонала, в «Тоске» имелась атмосфера. Нет, не так! В «Тоске» имелась Атмосфера. А еще вкусная стряпня и хороший алкоголь. Причем алкоголь для каждого ВИП-клиента Жертва выбирал сам, сообразно

своим представлениям о душевном состоянии оного. Ошибался крайне редко. А может, и вовсе не ошибался. С Веселовым проколов точно не было.

– Куда, говоришь, покатимся? – Молодое дарование завывало слишком громко, так громко, что Веселову пришлось перегнуться через столик, чтобы расслышать, что говорит им Гальяно.

– На севера! – сообщил Гальяно и легкомысленно махнул рукой.

– На севера – это почти как на юга… – с тоской изрек Жертва, который как раз в этот момент завис над Веселовым с бутылкой шотландского односолодового виски двенадцатилетней выдержки. – Ездили тут у меня однажды на юга… – добавил он почему-то мечтательно.

– Севера, дружочек, это какое-то слишком размытое географическое понятие. – Односолодовый виски плескался пока только в бокале, а не в желудке, и Веселову удавалось сохранять здравомыслие. – Конкретизировать не желаете ли? Куда нам путь держать?

Прежде чем ответить, Гальяно порылся в щегольском кожаном портфельчике. Приятелю удивительным образом удавалось сочетать в себе черты и неукротимого берсерка, и городского денди. Гремучая смесь для дамочек…

– Вот на эти севера! – сказал он, раскладывая в центре стола карту и постукивая пальцем по жирной красной точке, которая, на неискушенный взгляд Веселова, находилась не просто на Севере, а на Крайнем Севере.

– Это же конец географии, – с мрачным удовлетворением сообщил Чернов, третий берсерк из их автобанды.

– Не надо так драматизировать, Вадим Николаевич! – Гальяно ласково погладил карту. – Это Хивус, практически оплот цивилизации! Вы, вообще, слыхали про Хивус?

– В общих чертах, – уклончиво ответил Чернов и нахмурился. Нахмуриться-то нахмурился, а вот глаз загорелся! Веселов подозревал, что и его собственный глаз… того. Потому что про Хивус, загадочный и заманчивый город будущего, не

слышал разве что глухой.

Город Хивус, названный его основателем в честь лютого северного ветра, был очередным, в равной степени дорогим и одиозным бизнес-проектом олигарха Степана Тучникова. Что они там добывали, в этой вечной мерзлоте? Алмазы? Газ? Бивни мамонтов?.. Веселов не знал, но подозревал, что всего понемногу. Или помногу. С Тучниковым, отечественной версией Илона Маска, ничего нельзя знать наверняка. А Гальяно, выходит, знает?

– Закрытый вроде как городок, – сказал Чернов задумчиво и одним махом осушил придвинутую Жертвой стопку водки. – Город-солнце для избранных.

– Электрическое солнце. – Веселов потянулся за своим виски. – А кто у нас тут избранный? – Он с подозрением посмотрел на Гальяно.

– Типа я. – Тот со сдержанным достоинством поклонился. – Ну и вы до кучи! Вы ж берсерки! – Он отсалютовал им бокалом с красным, как кровь, вином, осушил его до дна, а потом спросил: – Ну так как? Сгоняем на севера, в славный провинциальный городишко Хивус?

Они переглянулись, и сразу стало понятно, что сгоняют, непременно сгоняют и на севера, и в Хивус. Оставались лишь сущие пустяки – техническая часть экспедиции.

– На чем покатимся? – спросил Чернов. Вид у него сделался задумчивый, наверное, он уже мысленно пересматривал их железную «конюшню» в поисках подходящего «коня».

– А покатимся вот на этих девочках! – Гальяно с видом фокусника положил поверх карты яркий буклет, постучал пальцем по изображению «девочек».

Чернов одобрительно хмыкнул, Веселов так же одобрительно присвистнул.

– «Тойота», – сказал Гальяно и обвел их торжествующим взглядом. – Главный спонсор нашей прогулки, господа! – Он совершенно мальчишеским движением взъерошил свои изрядной длины волосы, широко улыбнулся. – Ну и еще с десяток спонсоров помельче. Экипировка, снаряжение, батончики там всякие

энергетические. Вы уж извините, но все это добро придется рекламировать по ходу пьесы.

– Батончики? – Чернов приподнял одну бровь.

– Еще защитный крем для лица и мазь от ушибов и растяжений. Тебя, как травматолога, это должно взволновать. А батончики я возьму на себя, если что.

– Уже взволновало. – Чернов усмехнулся. – Пребываю в нетерпении.

– Внедорожника два? Или мне показалось? – спросил Веселов, разглядывая предложенный Гальяно буклет.

– Не показалось. Машины две, на одной поедем мы втроем, остальные участники мероприятия присоединятся к нам на середине пути. Кстати, часть пути мы преодолеем по воздуху, машины на место пригонят автовозом. Там, на месте, мы затаримся всем самым необходимым, пройдем ТО и получим дальнейшие инструкции.

– Инструкции? – снова приподнял бровь Чернов. Он, как всякий босс, привык инструкции раздавать, а не получать.

– Кто остальные? – спросил Веселов. Его больше интересовала не техническая часть вопроса, а вот эта маленькая деталь. Если уж ехать на севера, то с людьми надежными и проверенными, а не какими-то там… – Мы их знаем?

– Одного знаю я, – сказал Гальяно после секундной заминки. – И точно знаешь ты, – он перевел взгляд на Чернова и добавил: – По крайней мере, вы с ним точно пересекались.

– Фамилии? – Чернов с задумчивостью разглядывал свою опустевшую рюмку.

– Имена, пароли, явки, – поддакнул Веселов.

– Будут… потом… – Гальяно от прямого ответа уклонился. Не к добру.

– Только не говори, что это кто-то из спонсоров решил поиграться в крутого мужика. – Присматривать за изнеженными цивилизацией и бабками неофитами у Веселова не было никакого желания. У Чернова, судя по мрачному выражению лица, тоже.

– Ну… – Гальяно развел руками, – определенные нюансы, несомненно, есть.

Чернов нахмурился, Веселов неодобрительно покачал головой.

– Но одно я вам могу гарантировать! – Гальяно продолжал излучать оптимизм. – Этим ребятам не нужно играть в крутых мужиков, они ими уже являются.

– Камень с души… – не слишком оптимистично заметил Чернов и многозначительно посмотрел на Жертву.

– А что за тайны мадридского двора? – не удержался Веселов. – Гальяно, мы не на пикник, между прочим, собрались, а в самый конец географии. Нам команда нужна нормальная и проверенная.

– Они проверенные, Димон. Там просто возникли какие-то… обстоятельства. – Гальяно снова неопределенно развел руками. – Но к тому моменту, как мы окажемся на месте, все разрешится, я обещаю. А если разрешится раньше, так я вам сразу же сообщу. Томить не стану, вы ж меня знаете!

Да, они его знали. На первый взгляд балабол и балбес, но лишь на первый взгляд. На Гальяно можно было положиться в любых обстоятельствах, даже самых экстремальных. И то ралли в Африке не единожды это подтвердило. Наверное, поэтому они и согласились подождать, потерпеть и довериться. Опять же, страсть как интересно посмотреть на чудо-город с нездешним, мистическим каким-то названием Хивус. Ну, и на его основателя посмотреть тоже любопытно, если уж на то пошло.

– Мне нужно знать сроки. – Чернов уже что-то прикидывал, рассчитывал. Ясное дело, ему нужны сроки. Это он, Веселов, вольный охотник на тучных полях IT-сферы, сам себе хозяин и сам себе режиссер, а Чернов – хозяин серьезной медицинской конторы, которую совсем не хочется бросать без присмотра на неведомый срок.

– Сообщу, – кивнул Гальяно, – через пару дней всем все сообщу. – Мне сейчас важно получить ваше предварительное согласие.

Прежде чем ответить, они приняли на грудь то, что Жертва посчитал нужным им предложить.

– Предварительно согласен, – сказал Чернов, закусывая водку крошечным хрустким огурчиком. Согласно легенде, эти огурчики Жертва выращивал и солил собственноручно, оттого стоили они едва ли не больше того, что ими обычно закусывали.

– До пятницы я совершенно свободен, – кивнул Веселов и поверх опустевшего бокала посмотрел в дальний угол зала.

Там кипела бурная и громкая, совершенно несвойственная «Тоске» жизнь. Там назревала драка. Столик на столик, одни идиоты против других идиотов. И снулый, хлипкий с виду официант топтался у столиков, бубнил что-то нечленораздельное и озирался по сторонам. Очевидно, в поисках защиты и опоры.

Лицо Жертвы сделалось тоскливым и несчастным, левый глаз нервно задергался.

– Беда… – сказал он апатично.

– Да какая ж тут беда? – удивился Гальяно. – Зови Малыша!

Малыш малышом был лишь по паспорту, а на самом деле имел два метра роста и сто пятьдесят килограммов живого веса. Он работал в «Тоске» вышибалой уже лет пять как.

– В отгуле. – Теперь уже Жертва озирался по сторонам. – Маменька у него приболела, поехал навестить. У нас же тут обычно тихо все, чинно-мирно.

– Было чинно-мирно, – многозначительно сказал Чернов. – Чьи детишечки?

– Да так… гопники и мажоры… залетные какие-то. – Жертва посмотрел на Чернова с надеждой, сказал просительно: – Вадим Николаевич, ты бы вразумил их, надавил, так сказать, авторитетом.

– Давить таких не передавить… – Чернов, кажется, что-то взвешивал.

А потасовка уже решительно перетекала в свою кульминационную фазу. Визжали девицы, рычали мажоры, матерились гопники, летали стулья. Тяжелые, дубовые стулья. Так и до смертоубийства недалеко.

Чернов вздохнул, снял пиджак, аккуратно пристроил его на спинку стула. Веселов тоже встал. Гальяно колебался. И не потому, что боялся ввязываться в драку, просто искал варианты мирного решения конфликта.

– Поспешите, господа! – взмолился Жертва, с сосредоточенным видом закатывая рукава своей длинной инквизиторской робы. – Материальный ущерб и удар по репутации…

– Репутация твоя непоколебима, – сказал Гальяно и тоже решительно встал из-за стола. В правой руке он сжимал бутылку с вином. То ли собирался допить остатки, то ли употребить бутылку в далеко не мирных целях.

В эпицентр событий выдвинулись дружной и несокрушимой командой. Вот только двигаться приходилось «против течения». Посетители «Тоски» не желали воевать и спешили эвакуироваться от греха подальше. А битва тем временем разгоралась.

Веселов насчитал шесть участников, это если не принимать во внимание одного притихшего, свернувшегося клубочком под столом. Стенка на стенку, гопота против мажоров. Мажоров двое, гопоты, стало быть, четверо. Дрались все не на жизнь, а на смерть, потому что были то ли пьяны, то ли под какой-то дурью. Это уже Чернов мог бы сказать точнее, а Веселов в тонкости не вникал. Но молодняк – что гопота, что мажоры – был борзый и безбашенный, морды друг другу поразбивали уже до кровавой юшки. А у одного лысого и татуированного Веселов приметил кастет. Плохо дело…

– Жертва, хреново у тебя с фейсконтролем, – сказал Гальяно, половчее перехватывая бутылку. – Понапускали всяких…

На фейсконтроле должен был стоять все тот же отсутствующий по причине болезни маменьки Малыш, потому, видать, вот эти и просочились.

– Попробуем сначала договориться, – сказал Гальяно, а потом заорал во все горло: – Эй, ребятушки! А не пошли бы вы махаться на улицу! Здесь, между прочим, уважаемые люди отдыхают!

Ребятушки – все разом – замерли, ошалелыми, совершенно дикими глазами уставились на Гальяно. Препараты – подумал Веселов мрачно. Определенно, какая-то хрень.

– У тебя тут кто-то дурь толкает, – сказал он и неодобрительно посмотрел на Жертву.

Жертва посерел лицом, отчаянно замотал головой:

– Никогда такого не было.

– Никогда такого не было и вот опять…

– Ты что-то вякнул, дядя? – ласково и одновременно угрожающе спросил гопник с кастетом.

– Дядя?.. – Гальяно перевел обиженный взгляд с гопника на них с Черновым. – Всего-то третий десяток разменял.

Веселов сочувственно покивал. Так и есть, всего третий десяток, а уже дядя. Хорошо хоть, что не дед.

– Я полицию вызвал! – Тихий голос Жертвы сорвался на фальцет. – Уходите по-хорошему!

Ответом на их вполне мирное и логичное предложение стал забористый мат, а потом в Гальяно полетела бутылка пива. От бутылки Гальяно увернулся с небывалой для тридцатилетнего дяди ловкостью, и она разбилась о стойку.

– Ну, мы вас предупредили, – прорычал Гальяно и ринулся в бой.

Остальные ринулись следом. Девицы снова завизжали. На сей раз, кажется, от восторга. Мажоры и гопники взвыли и объединились против «дядь». Вот оно как бывает…

Их четверка орудовала молча и слаженно. Чернов отвешивал направо и налево тумаки и затрещины. Жертва грозно махал невесть откуда взявшейся бейсбольной битой, Гальяно не без удовольствия разбил бутылку о лоб гопника с кастетом. Веселову достался противник без кастета, но зато с ножиком. Действовать пришлось осторожно, чтобы не сломать отморозку руку. Хотя, сказать по правде, сломать очень хотелось.

Мажоры тоже не унывали и не отставали. Были бы в здравом уме, а не под дурью, давно бы воспользовались ситуацией и сделали ноги. Но наркотики не щадят никого. Этот молодой и патлатый, с волосами, словно припорошенными пеплом, в драных джинсах и в футболке с логотипом «Металлики» сошел бы за нормального студента или даже айтишника-джуниора, если бы не глаза. Какого они были цвета, Веселов не мог разглядеть отчасти из-за скудного освещения, отчасти из-за огромных, на всю радужку, зрачков. Взгляд у парня был совершенно дикий, волчий. Он не рычал и не визжал, в отличие от братьев по разуму, двигался молча и быстро, с механической точностью и скоростью. Словно бы его мышцами управляли не нервные импульсы, исходящие из мозга, а кто-то со стороны. Подумалось, что дурью эти ребятушки закинулись какой-то особенной, забористой. По крайней мере, вот этот патлатый, похожий на молодого волка, мажор. Зря, кстати, подумалось. Потому что в сложившейся ситуации нужно было не думать, а действовать. Потому что тому, кто долго думает, прилетает первому. Веселову прилетело. Прямо в челюсть. От этого самого молодого волка… От Волчка хренова!!!

Удар у паршивца оказался крепкий, несмотря на дурь. Или благодаря дури? Челюсть сначала заныла, а потом онемела. Хоть бы не было перелома, а то накроется путешествие на севера, придется ложиться в больничку Чернова на полный пансион. Чернов, который левой рукой держал за шкирку обмякшего мажора, а второй зарядил в скулу гопнику, словно услышал мысли друга, глянул вопросительно.

– Все в порядке, – прорычал Веселов. – Дядя только разберется с мальчиком…

Он не дрался уже давно: со студенческих лет, считай, не дрался. Да и в студенчестве предпочитал решать конфликты мирным путем, но сейчас мирным путем не получалось. Сейчас все дикое и первобытное в нем требовало крови.

Удар пришелся мажору под дых. Обычно после такого удара оппонент аккуратно складывается пополам и ползком покидает поле боя. Но этот упертый и упоротый даже не ойкнул, только глаза на его бледном лице стали еще чернее, только губы растянулись в улыбке, больше похожей на оскал. Он двинул на Веселова с настойчивостью бульдозера: худой, жилистый, мажористый. Какой-то нынче боевитый мажор пошел, новая генерация…

Веселову не хотелось устраивать избиение младенцев, но если младенец настаивает и прет буром, можно списать собственную ярость на вынужденную самооборону. Тем более врезать мажору хотелось так, что аж кулаки зачесались.

Он и врезал. Сначала в челюсть, потом снова под дых и третьим разом добрым часом в область селезенки. На сей раз не сильно, чтобы не случилось непоправимого и теперь уже мажор не стал клиентом Чернова. А мажор все пер и пер, будто не чувствовал боли. Чистый зомби! Даже жутко как-то… И бить такого уже не хочется, потому что ненароком можно зашибить насмерть, а уклоняться как-то не комильфо.

Их противостоянию положила конец бейсбольная бита. Она с гулким стуком встретилась с затылком зомби. На мгновение Веселову показалось, что зомби такая фигня не остановит и придется по законам жанра отпиливать ему башку, но мажор замер, моргнул. Взгляд его из бездумно-черного на мгновение сделался по-человечески удивленным, и он начал медленно заваливаться вперед, прямо на Веселова. Веселов сделал шаг назад, с благодарностью посмотрел на Жертву.

– Чем мог, – сказал Жертва с достоинством. – Ты, я смотрю, уж больно жалостливый.

– Я не жалостливый, я этого звереныша убить боялся…

А звереныш с приглушенным стуком рухнул на залитый пивом и еще какой-то фигней пол и больше не шевелился. Довоевался чокнутый зомби…

Кстати, бой закончился. И мажоры, и гопники аккуратным рядком лежали на полу. Девицы больше не визжали, одна из них с восторгом поглядывала на Гальяно. Может, узнала? Или такие зависают только в «Инстаграме», а «Ютьюбом» пользоваться не умеют?

Гальяно же с тоской разглядывал свою некогда белоснежную, а сейчас заляпанную чем-то красным рубашку. Веселов надеялся, что это все-таки вино, а не кровь.

Чернов с задумчивым видом осматривал пострадавших. Все-таки он был врачом и давал какие-то там клятвы. Судя по всему, опасения у него вызвал только волчок-отморозок.

– Сотрясение будет – сто процентов, – сказал он, оттягивая вверх веко волчка. – И УЗИ внутренних органов сделать не помешало бы. На всякий случай. – Он бросил быстрый взгляд на Веселова, сказал с легким укором: – Ты месил его не по-детски, Димон.

– Так и он пер не по-детски. – Веселов присел на корточки рядом с Черновым, заглянул в лицо поверженному противнику.

Лицо было спокойным, если не сказать, расслабленным. Пацан, самый обыкновенный пацан. Годков так двадцати. Казался бы обыкновенным, если бы не вот эта дикая, звериная какая-то упертость и упоротость. Белая, лишенная даже намека на румянец кожа. Волос длинный, почти такой же, как у Гальяно, странно-серого, почти седого цвета, ресницы черные, словно подкрашенные тушью. А может, и подведенные, кто их знает, этих обдолбанных мажоров! Под глазами синие круги, как от долгой, хронической бессонницы, на левой скуле наливается фингал, подбитый глаз скоро заплывет и закроется на пару деньков. Впрочем, собственный веселовский глаз тоже скоро заплывет. Уже начинает…

– Звони в полицию, – сказал Чернов, обращаясь к Жертве.

Жертва старательно вытирал полотенцем биту. Уничтожал улики? Вид у него был одновременно пришибленный и возбужденный.

– Уже, – сказал он, тяжело вздохнул и спросил: – А вы намерены полицию дождаться?

– Мы намерены, – заверил его Чернов, выпрямляясь в полный рост.

– Рубашку мне Лена в Милане покупала. – Гальяно с тоской смотрел на свое залитое вином пузо. – Это ж ей теперь каюк, рубашечке моей?

– Совсем не каюк! – Девица, самая шустрая и бойкая, отлипла от стены, к которой жалась во время побоища, шагнула к Гальяно и осторожно, словно боясь обжечься, положила ладонь ему на грудь. – Надо солью засыпать. Соль должна помочь. – Во взгляде ее уже зарождалось обожание. Гальяно вздохнул, посмотрел на Жертву.

– Соль есть, – сказал тот. – Сейчас принесу.

А девица уже тащила с Гальяно рубашку. Вот такая скорость сближения. Можно только позавидовать гальяновской харизме.

– Вы же берсерки? – произнесла она не то вопросительно, не то утвердительно. – Я на вас подписана! – добавила восторженно. – Я им сразу сказала, что это вы, а они не поверили.

– Им – это кому? – Гальяно раздевался не то чтобы с радостью, но и без особого смущения. Наверное, не терял надежды спасти подаренную женой рубашку.

– Им. – Девица кивнула в сторону мажоров. Чернов предусмотрительно рассортировал молодняк по классовой принадлежности. – Я с Ником пришла. Думала, он меня в приличное какое место отведет, а он сюда…

– У меня заведение экстра-класса! – На бледных щеках Жертвы вспыхнул яркий румянец негодования, но девица, кажется, его даже не услышала, она ощупывала рельефный торс Гальяно, словно искала на нем боевые раны.

Гальяно поймал насмешливый взгляд Веселова, воздел очи к потолку.

– А Ник у нас кто? – спросил он, мягко, но решительно отстыковавшись от девицы.

– Он. – Девица обиженно надула и без того выпяченные губы. Интересно, свои или тюнинг? Надо будет у Чернова спросить, он как-никак врач, должен разбираться. – Вот он! – Девица махнула рукой в сторону волчка. – Мы только сегодня познакомились.

Только познакомились и сразу по злачным местам… Вот молодежь пошла…

– А вы его чуть не убили! – Она с укором посмотрела на Веселова. – Я видела, как вы его…

– А как он меня? – ласково спросил Веселов. – А как он дурью закидывался и водкой зашлифовывал, вы видели, милая барышня? Или вы вместе с ним?

– Да вы что?! – Она отшатнулась, словно от пощечины. – Я не по этой части! Я пила только мартини!

– В моем заведении не подают этот богомерзкий напиток, – сказал Жертва мстительно.

– Зато дурь подают!

А девице палец в рот не клади. Вот оно – поколение «некст».

– Выясним, – пообещал Жертва и заиграл желваками. Хозяина заведения можно было понять, разборок с полицией никому не хочется.

А полицейские – легки на помине! – явились неожиданно быстро. И завертелось! В какой-то момент Веселов серьезно пожалел, что вмешался. Слишком много всякой волокиты, слишком много неудобных вопросов. Но не бросать же Жертву в беде! Пришлось отвечать на вопросы, подписывать какие-то протоколы, оставлять контакты для связи.

Домой Веселов вернулся только под утро, посмотрел на себя в зеркало, чертыхнулся и завалился спать. Утро вечера мудренее. Утром можно будет поискать информацию о загадочном северном городе Хивусе.

Чернов

Все завертелось как-то неожиданно быстро. Гальяно позвонил вечером тридцать первого декабря. Чернов с Темычем как раз закончили украшать посаженную еще по весне елку. На елке настояла Нина, чтобы была вот именно для таких торжественных случаев и для атмосферы. Трехметровую и лохматую елку притащили в огромной кадке, высаживали с танцами и бубнами, велели следить, холить и лелеять. Хотя бы первый год, пока не приживется. А когда следить, если в доме у Темной воды они наскоками: летом да по таким вот праздникам? Елке пришлось расти самой, на лес глядя. И ничего, как-то выжила! Гирлянду привезли с собой, гирлянду и еще какой-то разноцветной мишуры. Чернов не вникал. Уютом и всем сопряженным с этим занималась Нина, он работал добытчиком, опорой и каменной стеной. Такой расклад устраивал всех заинтересованных лиц.

К вечеру мороз усилился, и на еловых лапах заискрился иней. Чернов включил гирлянду и отошел в сторону, любуясь сотворенной красотой. Получилось ничего так, вполне уютненько, а главное – симметрично. На симметрии особенно настаивала Нина. Вот в этот хрупкий момент созерцания и запиликал мобильный.

– С наступающим! – гаркнул Гальяно в трубку. – Уже за праздничным столом?

– Скоро. – Чернов пощелкал пультом, и огоньки на елке истерично замигали.

– Вот и мы скоро. Ленка с Гальянычем вам привет передают.

– И мы! И вам! – Чернов покивал, снова щелкнул пультом, прекращая мигание. – Приехали бы лучше лично поздравили. – Он зазывал к себе в гости Гальяно с семейством уже года два как, но все никак не получалось состыковаться.

– Готов? – спросил Гальяно, понизив голос почти до шепота.

– А уже пора? – так же шепотом спросил Чернов.

– Ну, неделя у нас на все про все. Восьмого января вылетаем. Успеешь управиться?

Конечно, он успеет. Он уже на всякий случай управился: всех проинструктировал, распределил обязанности, раздал цеу, даже Нине с Темычем сообщил о своем намерении сгонять на севера. Нину эта идея не воодушевила. Оно и понятно – экстрим и все такое! Но отговаривать она не стала, только спросила, обязательно ли ему ввязываться в эту авантюру. Чернов сказал, обязательно, потому что он врач, и, случись что, вся надежда будет только на него. А Темыч тут же возжелал ехать на севера вместе с Черновым. Пришлось отговаривать, уговаривать и обещать другую экспедицию. Но, как бы то ни было, все утряслось. Он подготовился к экспедиции и, сказать по правде, вот этого звонка Гальяно ждал с нетерпением.

– Я управлюсь, – пообещал он и помахал вышедшей на террасу Нине. – Второго числа буду на месте. Помощь нужна?

– Не откажусь. Я тут последнее время кручусь, как белка в колесе. Димон свалил на какую-то свою конференцию в Прагу, вернется только пятого. Поэтому я пока один в поле воин. Зато со спонсорами уже все решено, осталось только контракты поподписывать и провести тест-драйв спонсорской машинки.

– Про остальных членов экспедиции что-то слышно? – спросил Чернов, перекладывая телефон к другому уху и прижимая его плечом.

С террасы соскользнула серая тень, блеснула в темноте красными глазами и всей своей немалой тушей навалилась на визжащего от избытка чувств Темыча. Это Сущь решил покинуть уютное тепло кухни и присоединиться, наконец, к мужской компании. За два года зверь вырос изрядно, в холке был почти метр и, кажется, все еще продолжал расти. К нему с великим интересом присматривались кинологи, заводчики и зоологи, а простые обыватели интересовались породой. Приходилось отбиваться от кинологов-зоологов и врать обывателям. Разве расскажешь, кем на самом деле является эта зверюга? Да, сказать по правде, Чернов и сам до конца не понимал. Вернувшийся в обличье щенка Сущь, похоже, подзабыл некоторые свои прошлые умения. По крайней мере, исчезать и трансформироваться разучился. Но Нина считала, что это потому, что Сущь все еще ребенок. Это в два собачьих-то года! А когда вырастет, все прежние навыки и таланты к нему разом вернутся. Ну, Нине виднее, хотя Чернов этих талантов малость опасался. Успокаивало его лишь то, что все их семейство и тех, кого они включили в ближний круг, Сущь любил с присущей только собакам преданностью. А Темыча так и вовсе обожал.

– Там пока непонятки, – сказал Гальяно уклончиво. – Но ты, Вадим, не волнуйся, вылетим уже почти полным составом. Это я тебе гарантирую.

– Знать бы еще, что это за состав. – Сюрпризов Чернов не любил, все в своей жизни старался просчитывать заранее.

– Нормальный будет состав, не парься. – Вот только не было в голосе Гальяно стопроцентной уверенности. Это настораживало.

Они еще раз поздравили друг друга с наступающим, пожелали себе всего самого-самого и удачной экспедиции и договорились о встрече через пару дней.

В экспедицию Чернова собирали, как на войну или в армию. Даже небольшие проводы по этому поводу устроили. Нина позвала отца, Якова с Ксюшей и Шипичиху. Чернов думал, что старая ведьма не придет, но она явилась. Потрепала Сущь по вздыбившемуся загривку, кивнула Нине, улыбнулась Темычу, а на Чернова посмотрела как-то очень уж пристально.

– Куда? – спросила сухо, словно бы равнодушно.

Так и хотелось ответить: «Туда», но он сдержался.

– На север, – ответил он коротко.

Она долго молчала, сверлила его недобрым взглядом, а потом сказала:

– Сущь с собой возьми.

Чернов представил себе эту картину, представил, как запихивает вымахавшего до размера теленка зверя в салон внедорожника, а потом в самолет, усмехнулся. Да и собираются они не на загородную прогулку.

– Не возьмешь. – Шипичиха, кажется, не удивилась и не расстроилась. – Ну и ладно, все равно он в полную силу еще не скоро войдет, только через тридцать три года.

Вот это поворот! Нормальный такой у обережных духов детский возраст!

– А расти еще долго будет? – осторожно поинтересовался Чернов. Помнил, как-никак, истинные габариты своего домашнего питомца.

– А это зависит от того, как ты его кормить будешь, – усмехнулась вредная старуха, а потом вдруг сделалась очень серьезной и, понизив голос, добавила:

– Ты осторожнее там, Вадим. – Впервые она назвала его по имени. Даже как-то непривычно. – Хочу вперед заглянуть, а ничего не вижу. Метель перед глазами. Метель и тени. Разные тени, Вадим, и не только человеческие. Вот он, – она кивнула в сторону Сущи, – их бы разглядел. Разглядел и уберег. Если бы в силе был.

– … Но в силу он войдет только через тридцать лет и три года, так что и говорить не о чем.

– Темно там… – Старуха теперь смотрела вроде как и на Чернова, а вроде как в пустоту. – Чернота непроглядная… Тревожно мне, – произнесла она уже совсем мягко, он аж вздрогнул от удивления. А еще от этих ее радужных прогнозов. – Я ни зла, ни силы такой не встречала. Нездешнее зло, холодное, голодное. – Она замолчала, сощурилась, словно пытаясь разглядеть что-то невидимое обычным взглядом, а потом неожиданно улыбнулась.

– Увидели что-то новенькое? – вежливо поинтересовался Чернов.

– Кто ж вас таких призвал? – вопросом на вопрос ответила она и, досадливо махнув на него рукой, отвернулась.

Чернов знал, кто их призвал. Степан Тучников – миллиардер, меценат, фантазер, не ограниченный в средствах. А вот самого Чернова гораздо сильнее интересовал другой вопрос: не «кто», а «зачем». Еще это «призвал»… Как будто они духи какие или рыцари света… Загривка словно бы коснулась холодная рука, как будто Хивус, лютый северный ветер, дотянулся до него через тысячи километров, пометил своей ледяной печатью.

– За Ниной с малым я присмотрю, – пообещала старуха, по-прежнему не глядя в его сторону. – И успокою. Нервничает она. Чует то же, что и я, потому и нервничает.

Нервничает. Нина всегда нервничает, когда он уезжает далеко и надолго. Но отпускает, потому что понимает, что Чернову, как и любому нормальному мужику, жизненно необходима эта лихая вольница. Вот только сейчас тревоги в ее глазах больше, и болотные огни в них вспыхивают все ярче и ярче. Надо бы как-то успокоить, наобещать всякого. Может, поездку в какие-нибудь жаркие страны, к морю, к экзотике. А что? Оставят Сущь под присмотром Шипичихи и рванут! Вот после севера сразу и рванут. Или лучше недельки через две-три, чтобы успеть разгрести завалы в центре, если они там появятся за время отсутствия. На том и успокоился. Да и чего волноваться раньше времени? Умеют же женщины устроить проблему из ничего на ровном месте!

Гальяно

Гальяно пребывал в радостном нетерпении. С одной стороны – путешествие на край земли! С другой – встреча со старым другом, с которым не виделись уже сто лет. Была еще и третья сторона, уже не такая радостная, до конца еще не распознанная.

Туча темнил. Общались они через Интернет. В славном городе Хивусе имелся спутниковый Интернет очень даже неплохого качества. Лицо у Тучи было такое, с каким только в покер и играть, классический покер-фейс. Аж не верится, что много лет назад этот решительный, матерый дядька был зашуганным, неуверенным в себе жиробасом, на которого не взглянешь без жалости. Но с тех пор много воды утекло. Из их четверки, пожалуй, именно Туча изменился сильнее всех. И дело тут было вовсе не в деньгах. Все из их компании были весьма успешными и состоятельными мэнами, грех жаловаться! Дело было в чем-то другом, неуловимом. Туча менялся сам и менял мир вокруг себя. Этакий демиург с неограниченным запасом ресурсов. После событий самой темной ночи все они более или менее угомонились и остепенились, а Туча рвался вперед с несокрушимостью мамонта. Поспеть за ним было тяжело, как-то незаметно за бортом осталась Ангелина, первая жена. Потом вторая, кажется, какая-то французская модель. Потом третья, весьма ученая девица с оксфордским

произношением и оксфордским же образованием. А потом Гальяно сбился со счета. Впрочем, больше Туча не женился, предпочитал оставаться холостяком. Одним из самых завидных холостяков мира, если уж на чистоту!

Они поддерживали связь все эти годы. Нормальную такую человеческую связь, а не обмен банальными, никому не нужными поздравлениями с днями рождения и прочими праздничными датами. Гальяно, Дэн и Матвей гуляли на всех его трех свадьбах. И позвонить они могли Туче напрямую, минуя бессчетное множество его секретарей. В любое время дня и ночи. Тем более никогда нельзя было заранее узнать, в каком часовом поясе находится неугомонный Туча. Вот такая у них была дружба, зацементированная на страхе, крови и молодецких подвигах. Наверное, потому и нерушимая, несмотря ни на что.

На сей раз Туча позвонил первым. Его звонок выдернул Гальяно из сладкого предрассветного сна и немного напугал. Уж Туча-то точно знал, в каком часовом поясе живет его старый друг, поэтому без лишней надобности никогда не звонил.

Разговор у них получился странный, оставивший после себя горько-дымный привкус. Словно бы на несколько бесконечно долгих мгновений они с Тучей перенеслись на Чудову гарь, в самый центр припорошенного пеплом пятачка, под корявую сень обожженного дуба.

Туча звал в гости. Настоятельно звал, обещал оплатить все расходы и показать северное сияние. И голос его был спокоен, и покер-фейс не выдавал ни единой эмоции, но Гальяно шкурой почуял неладное. Это «неладное» было того специфического сорта, когда непоправимое еще не случилось, но ты точно знаешь, что оно вот-вот случится. Не представляешь только, откуда ждать беды. Туча и не представлял. Потому что, если бы он что-то знал, то не стал бы темнить, ходить вокруг да около. Потому что проблему, озвученную Гальяно, он мог бы запросто решить собственными силами. Или силами специально обученных людей. Но ему понадобился не высококлассный наемник, а лучший друг. Впрочем, про высококлассного наемника Туча тоже не забыл. Фамилия этого человека была не на слуху, но сильные мира сего ее хорошо знали и телефонный номер его предпочитали иметь на быстром наборе. Гальяно не причислял себя к финансовой элите страны, но знал многое. Такая уж у него была интересная жизнь.

– Время терпит? – только и спросил он тогда.

– Думаю, месяц у нас есть. Ты хочешь прокатиться своим ходом? – В голосе Тучи послышалась улыбка.

– А ты в курсе моего скромного увлечения?! – удивился Гальяно.

– Я подписан на твой канал. Даже оставляю там комменты.

– Да ты что?! А под каким ником?

– Не скажу. – Туча на краю земли продолжал улыбаться. – Но могу предложить спонсорскую помощь. Попиаришь мой новый энергетик. Скажу честно, это прорыв в нейрофизиологии и фармакологии. Тебе он должен понравиться.

– Спонсоров я и сам найду. – Мысленно Гальяно уже перебирал длинную очередь из фирм и контор, которые не отказались бы от того, чтобы их логотипы засветились на его канале. – А твой чудо-энергетик пропиарю совершенно бесплатно, так сказать, по старой дружбе. Ты только пришли мне ящик этого своего пойла.

– Пришлю два, – пообещал Туча. – В одном ящике двадцать четыре банки. Вам должно хватить.

– Я так понимаю, остальных членов команды выбираю я? – на всякий случай уточнил Гальяно. – Из числа своих берсерков. Твоя служба безопасности уже небось проверила их на соответствие и профпригодность.

– Решай сам. – От прямого ответа Туча ушел, но сразу стало ясно, что, даже находясь на краю земли, он держит руку на пульсе.

– А если форс-мажор? – снова уточнил Гальяно. – Ну, ты понимаешь, форс-мажор – это когда…

– Я понимаю… – Туча не дал ему договорить, и впервые маска, демонстрирующая спокойствие и непоколебимость, дала трещину. Из трещины этой на Гальяно опасливо глянул прежний затравленный жердяй Туча. Вот теперь пришло время волноваться… Но волноваться Гальяно не стал, отмахнулся от недобрых мыслей. – Форс-мажор, наверное, будет. Скорее всего, даже не один. Поэтому

мне и важно, чтобы там находился ты.

– Остальным звонил? – Гальяно не стал уточнять, кто эти остальные. И без того понятно.

– Ксанка должна родить со дня на день. – В голосе Тучи снова послышалась улыбка. – Я же не зверь какой, чтобы отрывать от нее Дэна в такой ответственный период их жизни. А Мотя, как ты, наверное, знаешь, проходит курс реабилитации после перелома ноги. Неудачно прокатился на лыжах. Бывает. Поэтому остаешься ты, Вася. – Васей друзья называли Гальяно только в минуты глубочайшего душевного волнения. Еще один повод для беспокойства…

– Я и мои специфические способности? – Спрашивать нужно было сразу, ковать железо, пока горячо.

– Боюсь, только своими силами мне не справиться, – просто сказал Туча. Вот тебе и третий звоночек… Туча, который не уверен в своих силах: и в обычных, и… специфических. – Я надеюсь, что происходящему найдется разумное объяснение, но мне будет спокойнее, если вы приедете.

– Я приеду, – пообещал Гальяно. – Давно хотел посмотреть на этот твой Вымерзайск.

– Хивус, – поправил Туча с улыбкой.

– Хрен редьки не слаще, и теплее в твоем Хивусе от этого точно не станет, как его ни называй. Ладно, Туча, я на связи. Звони в любое время дня и ночи!

– Ты тоже в любое время дня и ночи, – очень серьезно сказал Туча и отключил связь.

Веселов

Веселов попал с корабля на бал, передохнуть после Праги ему почти и не удалось. Гальяно дал ему один день на адаптацию, а потом сразу же потянул на

встречу со спонсорами. Чернов уже вернулся в Москву и был в курсе всего происходящего.

– Ну, кто четвертый? – Веселову не терпелось узнать, с кем им придется бороздить северные просторы. Очень уж это важный и принципиальный момент.

– Четвертый нормальный. – Голос Гальяно звучал, пожалуй, излишне бодро и оптимистично. – Я бы даже сказал, крутой.

– Ты его знаешь? – спросил Веселов.

– Лично не знаю, но слышал про него много хорошего. И люди за него поручились очень серьезные.

– Тучников?

– И он в том числе. Да ты не переживай, Димон! Завтра все увидите своими собственными глазами. Машинки спонсорские, кстати, уже почти неделю в пути, к нашему прилету они будут полностью готовы. Останется их только обклеить.

– На «разукрашках» поедем, – теперь уже усмехнулся Чернов. С «разукрашками» им всем приходилось мириться, потому что спонсорская поддержка – это всегда важно, а спонсорская поддержка в той авантюре, что они задумали, важна вдвойне.

– Еще и курточки нам выдадут гламурненькие, – пообещал Гальяно. – Последний писк, я специально уточнял. Экипировку вам сегодня доставят курьером. А завтра я за вами заеду, будьте готовы, нам еще новенького забирать.

– Новенький мог бы и сам подъехать, – буркнул Чернов. Ему, как и Веселову, не нравилась вся эта загадочность.

– Он хотел, но я настоял. – Гальяно был непривычно серьезен. – Интересно глянуть на человека в неформальной обстановке. И вообще…

Что вообще, он не уточнил, а они не стали спрашивать. Ждать осталось недолго. Утро вечера мудренее.

… Утром началась метель. Самая настоящая, со снегопадом и пронизывающим ветром. Словно бы судьба решила подготовить их к предстоящим испытаниям. К слову, и перед вылетом в Африку стояла сорокаградусная жара. Так что им не привыкать. Только бы вылет не отменили…

Гальяно приехал вовремя, как и обещал. Несмотря на кажущееся легкомыслие, был он человеком пунктуальным, а видимостью легкомыслия просто очень ловко пользовался. В салоне его внедорожника уже дремал Чернов. При появлении Веселова он приоткрыл один глаз, приветственно взмахнул рукой.

– Ну, финальный созвон, и едем в аэропорт! – сказал Гальяно, усаживаясь за руль.

Мобильный зазвонил сам. Около минуты Гальяно молча слушал, а потом глянул на часы и коротко сказал:

– Будем через полчаса, – а потом, когда отключил связь, добавил с непривычной для него мрачностью: – Планы меняются, господа, забираем сразу двоих.

– Кто второй? – спросил Веселов, а Чернов открыл оба глаза, посмотрел на Гальяно очень внимательным, совершенно несонным взглядом.

– Я не знаю. – Гальяно завел мотор. – Там какой-то форс-мажор, но вопрос урегулирован с Тучей.

То, как он по-свойски и бесцеремонно называет их главного спонсора этой смешной кличкой, говорило о многом. По крайней мере, о том, что Степан Тучников для него не просто спонсор, а кто-то гораздо более близкий. Хорошо это или плохо, им еще предстояло понять. А пока не оставалось ничего иного, как катить по заметенному снегом, полусонному мегаполису. Ждать все равно осталось недолго.

Их тоже ждали. Две плохо различимые в рассветном сумраке фигуры сидели на лавочке у подъезда. Впрочем, нет! Одна фигура сидела, а вторая, кажется, на этой самой лавочке лежала. Во всяком случае, в свете фар вырисовалась именно такая картинка.

Тот, кто сидел, при приближении машины встал, взмахнул рукой и шагнул к внедорожнику. Лежащий так и остался неподвижен, и это было как минимум странно.

Гальяно буркнул себе под нос что-то неразборчивое, заглушил мотор и распахнул дверцу навстречу выступившему из мглы рослому мужику. Сказать навскидку, сколько ему лет, было нельзя, мешало плохое освещение, но по голосу казалось, что они примерно одного возраста.

– Доброе утро, – сказал незнакомец и тут же добавил: – Спасибо, что заехали.

Можно подумать, у них был выбор! Их бы воля, ребят в команду набирали бы сами, из своего круга. Но выбирать, похоже, не приходилось. Придется покорять Крайний Север вот с этим незнакомцем.

А Чернов неожиданно оживился, завозился на заднем сиденье, распахнул дверцу и почти наполовину вывалился из салона.

– Волков?! – спросил то ли удивленно, то ли недоверчиво.

– Док? – В равнодушном голосе незнакомца тоже появились эмоции. – Ты ли это?!

– Я ли! – Чернов уже выбирался под лютый московский ветер, который – Веселов был в этом почти уверен! – мало чем отличался от легендарного хивуса. – Мог бы и предупредить! – Он с укором глянул на Гальяно.

– Сюрприз! – сказал Гальяно, впрочем, не особо оптимистично. Что-то в происходящем его настораживало. Уж не тот ли второй, что неподвижным кулем лежал на лавке и не желал знакомиться.

– Мне нужна твоя помощь, Вадим! – Теперь невидимый Волков обращался исключительно к Чернову. – Тут такое дело… пойдем, глянешь. – Сказал и снова нырнул в метель. Чернов нырнул следом.

– Это что, вообще, такое? – Веселов с укором посмотрел на Гальяно. – Это что, вообще, за перец такой? И откуда знает нашего Чернова? – На слове «наш» он сделал многозначительный акцент.

– Это Андрей Волков, специалист по решению проблем, личность, широко известная в узких кругах.

– Значит, решатель проблем? Ну, может, оно и к лучшему. Знать бы только, какие проблемы он решает. Часом, не наемный киллер?

– Тьфу на тебя! – отмахнулся Гальяно. – Частный сыщик, спец по поиску и возвращению пропавших вещей, людей и всего прочего. А Чернов его когда-то лечил. Какая-то застарелая травма, последствия аварии.

Гальяно говорил, а сам всматривался в метель. Вот только смотрел он не в сторону подъезда, а в противоположную. Веселов тоже взглянул, но ничего подозрительного не увидел.

– А второй кто? – спросил он, понижая голос. – Вот это тело, – он кивнул в сторону лавочки, – чье? Оно, вообще, живое?

– Надеюсь, что живое. Скоро узнаем, тело уже волокут.

Тело и в самом деле волокли. Его волокли, а оно упиралось и мычало что-то нечленораздельное. Если мычало и упиралось, то живое. Пожалуй, хорошие новости на этом заканчивались. Дверца со стороны заднего сиденья распахнулась, и из темноты послышался голос Чернова:

– Димон, принимай клиента!

Клиента уже заталкивали в салон. Его заталкивали, а он сопротивлялся. Веселов ухватил человека за рукав пуховика, потянул. Тянуть пришлось решительно и жестко, потому что клиент растопырил в стороны локти и явно не хотел присоединяться к их экспедиции. На хрена им вот это то ли пьяное, то ли обдолбанное тело?!

А потом с головы клиента сполз капюшон, и взорам предстал давешний мажор, устроивший погром в «Тоске», тот самый Волчок, который не чувствовал боли и пер буром… Сейчас он тоже пер буром… В их экспедицию и в их жизнь!

– Бывают в жизни совпаденья! – продекламировал в сердцах Гальяно.

– Сам в шоке, – проворчал Чернов, вслед за мажором протискиваясь на заднее сиденье. – Димон, ты переберись к Гальяно на пассажирское, а мы тут с Андреем и вьюношей как-нибудь…

По голосу чувствовалось, что вьюношу он терпит исключительно из уважения к Андрею, который, кстати, так до сих пор и не представился.

– Я тоже в шоке, – сказал Андрей и легонько ткнул вьюношу в бок. Тот охнул и затих. То ли потерял сознание, то ли точку специалист по решению проблем выбрал какую-то волшебную, усмиряющую распоясавшихся мажоров. – Ребята, простите! Но не могу я его бросить одного вот такого.

– Почему? – с искренним интересом спросил Гальяно. Он снова смотрел не на Волкова, а куда-то поверх его плеча. – Я бы бросил. Нам такой балласт ни к чему.

Оказывается, Гальяно умел быть жестким, резать правду-матку. Молодец! Веселову тоже хотелось резать правду-матку! Челюсть после того памятного события в «Тоске» ныла еще недели две. У мажора оказалась тяжелая рука.

– Потому что, если оставлю, он тут подохнет, – сказал Волков просто и одновременно обреченно. Было в этой обреченности что-то такое… человеческое, что тут же спускало его, мегакрутого решателя всех проблем, с пантеона богов на грешную землю, прямо в их теплую компанию. – А если подохнет, я себе этого никогда не прощу.

– А на борт мы его такого как? – спросил Веселов, уже почти смирившись с происходящим.

– А на борт мы его такого легко! – вместо Волкова ответил Гальяно. – Потому что борт у нас, господа-товарищи, будет частный.

– Спонсор расстарался?

– Он самый.

– Хорошо, если полетим. – Чернов всматривался в муть за окном. – Погода пока как-то не располагает.

– Полетим. – Гальяно тоже всматривался. Куда он все время всматривается, что он там, вообще, видит, в этой круговерти?! – Полетим, можете даже не сомневаться!

Гальяно

За бортом все еще крутило и завывало, но Гальяно знал, шкурой чуял, что вся непогода закончится очень скоро. Часа через два и закончится. Откуда знал? А бывали у него такие вот моменты просветления! Сказать по правде, чем старше он становился, тем чаще они случались – просто еще один маленький бонус к его необычным навыкам, куда более полезный, чем способность видеть давно отошедших в мир иной, но все еще беспокойных покойничков. Слава богу, покойнички наведывались нечасто, по крайней мере, реже, чем к закадычному дружку Матвею. У того, считай, полбизнеса было построено на этом специфическом навыке. Матвей в каком-то смысле был коллегой Волкова, специалистом по решению проблем. И если бы не так некстати сломанная нога, на заднем сиденье сидел бы он, а не Волков. Ну, или они вдвоем сидели бы. Два крутых решателя проблем всяко лучше, чем один. Но беспокоило Гальяно сейчас другое. Даже отключившийся, вдрызг пьяный мажор беспокоил его меньше, чем это «другое».

Гальяно видел. Видел, но никак не мог понять, что за хрень он видит. Понимал только, что хрень не из этого мира. А еще понимал, что привел ее Волков. Или она сама пришла вслед за Волковым. Пришла и осталась. Вот она – на самой границе зрения. Что-то едва уловимое, светящееся. Сначала подумалось, что за Волковым увязался какой-то неупокоенный дух, но на дух человека эта хрень была не слишком-то и похожа. Да и духов Гальяно видел вполне четко. По крайней мере, тех, с которыми ему доводилось иметь дело раньше. А потом вдруг подумалось, что хрень из потустороннего мира пришла не за Волковым, а за мальчишкой. Вот за этим мажором. Как же называл его Веселов? Волчонком? Нет, Волчком! Забавно получается, Волков, Волчок… Зверинец какой-то…

Он вел машину аккуратно, пробирался сквозь бурю почти на ощупь и то и дело поглядывал в зеркальце заднего вида. Хрень не отставала, неслась рядом с джипом с немыслимой для живого существа скоростью. А Волков, кстати, тоже поглядывал, и этот факт стал для Гальяно откровением. Это что же получается?

Получается, Волков знает про хрень? Или видит?.. Еще один мужик со специфическими способностями? Не из-за этих ли способностей Туча его и нанял?

От размышлений Гальяно отвлекла возня на заднем сиденье. Волчок очнулся и снова активизировался, принялся рваться на волю. Ох, чуяло сердце, еще хлебнут они неприятностей с этим пацаном! Рядом раздраженно фыркнул Веселов, потер сизый от модной трехдневной щетины подбородок. Неужели челюсть до сих пор болит? Или это нервное?

А погода тем временем улучшилась. Когда они были уже на подступах к аэродрому, ветер присмирел, а снегопад и вовсе закончился. Не подвела чуйка! И на взлетной полосе их уже ждал личный самолет Тучи. Нормальный такой самолетик, симпатичненький! На самом деле на этом самолетике они запросто могли долететь до Хивуса, но в таком случае не получилось бы никакой экспедиции на севера, драйва и экстрима никакого не было бы. Хотя в глубине души Гальяно подозревал, что без драйва и экстрима им вряд ли удастся обойтись при любом раскладе.

– Время терпит, – сказал Туча, – время терпит, но мне будет спокойнее, если ты приедешь. – Вот как-то так… Время терпит, но Туче неспокойно.

На борт поднимались уже при полном безветрии. Гальяно с Веселовым разбирались с багажом, в последний раз все проверяли-перепроверяли, а Чернов с Волковым поволокли упирающегося, орущего благим матом мажора в салон. И непонятная хрень поволоклась в салон за ними следом, первая шмыгнула в открытый люк. Именно шмыгнула, просочилась светящимся облачком. Гальяно вздохнул. Придется разбираться. Сначала, наверное, с Волковым, а потом уже и с хренью. Очень неприятно начинать новое дело, когда под ногами крутится такое… хрень какая-то крутится!

Веселов хрень не видел, но выглядел весьма обеспокоенным и недовольным. Наверное, из-за мажора, которого им теперь придется волочь за собой. Волочь, из абстиненции выводить, а потом еще и нянчиться всю дорогу. Интересно, а Туча знает, что у них тут такой нежданчик? Гальяно был почти уверен, что Туча знает. Если Волков не отзвонился, так кто-нибудь из тех мрачного вида ребят, что помогали им с багажом, доложил. У Тучи везде свои глаза и уши. Так уж он был устроен, что любил держать руку на пульсе жизни. А с некоторых пор, кажется, и смерти… Если у смерти, вообще, имеется пульс.

– Что будем делать? – спросил Веселов, когда они поднимались по трапу.

– С мажором? – на всякий случай уточнил Гальяно, хотя можно было и не уточнять. Хрень Веселов не видел. Он и Чернов – крутые мужики, с которыми можно и в огонь, и в воду, но оба без вот этих специфических заморочек. – Возьмем на поруки. – И предупреждая возражения Веселова, он тут же добавил: – Но возиться с ним будет Волков. На этот счет ты даже не переживай. Он приволок, ему и отвечать.

Возиться… Вот только оба они прекрасно понимали, что в той экспедиции, в которую они собрались, каждый член экипажа важен и нужен, а тот, кто не нужен, тот – балласт. И, как ни крути, кому-то из них троих придется пересаживаться в машину Волкова, чтобы помогать ему.

Наверное, из-за этих невеселых мыслей по трапу самолета они поднимались в скверном расположении духа. Ох, негоже трогаться в путь в таком упадническом настроении. Ох, не к добру…

А внутри самолетика было хорошо, можно даже сказать, круто! Натуральная кожа, натуральное дерево, удобные кресла, красотка-стюардесса. Не первый и не бизнес-класс, а высший класс! Стягивая на ходу куртку, Гальяно украдкой осмотрелся. Вообще-то, он искал хрень, но взгляд наткнулся на девицу…

Девица сидела у иллюминатора, закинув ногу за ногу, откинувшись на спинку кресла. Была она такая… не понять, какая, Гальяно сказал бы, что непростая. У девицы имелись длинные волосы и формы, милые глазу всякого нормального мужика. А еще взгляд. Смотрела она на вновь прибывших, не таясь и не стесняясь, с легким прищуром. Рассматривала. Вот только взгляд у нее был странный, расфокусированный какой-то взгляд. Словно бы смотрела она одновременно на них с Веселовым и в то же время мимо них. Гальяно решил было, что дамочка тоже под кайфом, но присмотрелся и передумал. Тут другое, совсем другое. И Туча, паршивец, не предупредил, что добавятся еще пассажиры. Пассажирки…

За спиной застонал и многозначительно засопел Веселов. Со стороны могло бы показаться, что от натуги, стягивая пуховик и срывая с головы косматую шапку-ушанку. Но Гальяно друга знал достаточно хорошо, чтобы понимать: стонет он от вот этого второго нежданчика. Баба на борту! Ну и плевать, что баба хороша

собой и с формами, все равно не к добру!

– Здравствуйте, милая барышня! – Как бы то ни было, а с дамами Гальяно всегда старался быть предельно вежливым и обходительным. – А вы тут, простите, какими судьбами?

– Здравствуйте! – Взгляд милой барышни сфокусировался сначала на Гальяно, потом на Веселове. – А я тут пролетом. – Сказала и усмехнулась. Пролетом она! Видимо, метлу стюардессе сдала на хранение.

– Пролетом откуда и куда? – встрял Веселов. Голос его звучал не слишком приветливо, накопившиеся за это странное утро эмоции не скрывал нисколько.

– Пролетом отсюда туда. – Она улыбнулась. Насмешливо так, словно читала их мысли. А может, и читала. Вот его Ленка никакими такими способностями не обладала, а видела его насквозь. Есть у женщин такая врожденная особенность.

– Туда – это, простите, куда? – уточнил Веселов мрачно.

– В Хивус. Я лечу в Хивус.

– Ну, слава богу! – Веселов облегченно выдохнул, и Гальяно выдохнул следом. Значит, не с ними. Значит, просто попутчица. А то они уже, грешным делом, подумали, что она тоже собралась с ними в экспедицию. К ним, к берсеркам, решила затесаться.

Девица многозначительно и одновременно вопросительно выгнула черную бровь.

– Мой товарищ хотел сказать, что мы несказанно рады вашему обществу, прекрасная леди! – поспешил сгладить неловкость Гальяно. Любой женщине приятно, когда ее называют леди, да еще и милой. За такое обращение они готовы простить любую бестактность.

Девица оказалась не из любых.

– Я так и подумала, – сказала она. Взгляд ее, между тем, скользнул мимо Веселова и остановился на чем-то позади его спины.

– А позвольте представиться! – Гальяно склонился над девицей в галантном поклоне. – Я – Гальяно, предводитель этих головорезов. – Головорезы все разом кивнули. – С Вадимом и Андреем вы, наверное, уже того… познакомились. С… – он глянул на притихшего мажора, – с юношей еще познакомитесь. А это Дмитрий, моя правая рука.

За спиной снова многозначительно хмыкнул Веселов. Наверное, его впечатлили байки про предводителя и правую руку.

– Вероника. – Девица, не вставая, протянула Гальяно руку. Протянула деловито и совсем не жеманно, явно для рукопожатия, а не для поцелуя.

Гальяно и пожал. Пальцы у девицы были длинные, а рукопожатие крепкое. И взгляд… взгляд ее его волновал. Но не в том смысле, в каком женский взгляд должен волновать мужика, а в другом. Он еще и сам не понял, в каком.

Веселов тоже пожал протянутую руку, наверное, сжал чуть сильнее, чем того требовал этикет, потому что Вероника едва заметно поморщилась. Кстати, их рукопожатие тоже длилось чуть дольше, чем того требовал этикет. Гальяно показалось, что по инициативе Вероники, а не Веселова. Вид у Веселова был несчастный, а глаз воровато косил в Вероникино декольте. Декольте было вполне себе целомудренное, но глаз все равно косил и нервно дергался. Ой, беда…

Наконец она его опустила, разжала пальцы, откинулась на спинку кресла. Словно потеряла интерес. А может, и потеряла. Вон сколько занятных персонажей вокруг! Зачем же зацикливаться на одном!

– А вы, Вероника, в Хивус по каким делам? – спросил Гальяно, устраиваясь в свободном кресле. Рядом тяжело плюхнулся Веселов. Обессилел, бедняга.

– По личным. – Вероника отвечала ему, но смотрела снова куда-то поверх его головы. Гальяно не выдержал, обернулся.

Хрень была в проходе. Сначала была, а потом шмыгнула между кресел. Спряталась, гадина.

– Ты ее видишь? – От удивления Гальяно перешел на «ты».

– Кого? – Вероника посмотрела на него удивленно. Значит, не видит. Просто показалось. Хватит с них одного такого видящего. Но с Волковым надо поговорить. Вот прямо сейчас, пока не взлетели.

Волков сел рядом с мажором. И мажора устроил с максимальным комфортом, спинку откинул, подножку установил. Выглядел он смертельно усталым и немного смущенным, ничем не похожим на крутого решателя проблем. Но обмануть Гальяно такой ерундой было сложно.

– Разговор есть. – Он занял место напротив Волкова и понизил голос. – Приватный разговор.

– Говори. – Взгляд Волкова сделался заинтересованным.

– Я не знаю, рассказывал ли тебе Степан… – Начинать следовало с другого, но Гальяно решил, что будет не лишним дать понять этому супермену, что Туча для него не просто работодатель и спонсор, а закадычный друг.

– Про что? – Лицо Волкова оставалось вежливо-равнодушным. Еще один покер-фейс, черт его дери!

– Про некоторые мои необычные способности.

– Способности нравиться женщинам?

– Другие. Несколько более специфические.

Вот сейчас он скажет, что не понимает, о чем Гальяно, вообще, и разговор можно заканчивать.

– Рассказывал. – Волков кивнул. – И про самую темную ночь тоже.

– Значит, и про самую темную ночь… – Гальяно задумчиво потер подбородок. Про самую темную ночь Туча не рассказывал никому. Кажется, даже двум своим последним женам не рассказывал. А это значило, что Волков тоже входит в круг самых близких, самых доверенных. – Ну что ж, тогда мне будет проще! Я вижу, – он понизил голос до едва различимого шепота. – Не всегда, но бывает. Вижу всякое, чаще всего это нечто… потустороннее.

– Понимаю. – Волков кивнул.

– Точно понимаешь?

– Точно.

– Хорошо. – Гальяно сделал глубокий вдох. – Тогда не будем ходить вокруг да около. Давай начистоту!

– Давай. – А он немногословный, этот супермен.

– Сейчас я тоже кое-что вижу. – Гальяно покосился в сторону кресел, за которыми спряталась хрень. – И это что-то пришло вслед за тобой. Или за пацаном. Я еще не разобрался.

Кажется, ему удалось удивить супермена. Вот же удача! Покер-фейс на мгновение поплыл, и из-под маски железной невозмутимости проступило изумление.

– За мной, – сказал Волков после недолгого молчания. – Он пришел за мной, а не за Ником. Любопытно, что ты его видишь.

– И что… И кто это такой? – спросил Гальяно осторожно. Если Волков знает о существовании потусторонней хрени, значит, полдела сделано. Дальше нужно только решить, как с этой хренью поступить.

– Это Блэк, мой пес.

– Твой… что? – Он ожидал чего угодно, только не этого.

– Мой пес. Вернее, не мой, а Арины, моей жены. Но они оба решили, что в этой экспедиции Блэку лучше быть со мной.

– То есть твой пес… – Гальяно пытался подобрать нужное определение.

– Мой пес – призрак, – помог ему Волков. – Обычно его никто не видит, только домочадцы и такие, как ты. Он не доставляет никому хлопот, не занимает места, не ест, не пьет и ничего не весит. Очень удобный домашний питомец, если ты понимаешь, о чем я.

– Удобный. – Гальяно неуверенно кивнул. – Удобный, но мертвый домашний питомец.

– Уж какой есть. Кстати, я этот факт не афиширую. Ну, ты понимаешь.

Гальяно понимал. Он тоже не афишировал некоторые факты. Помнится, во время песчаной бури в Сахаре, той самой, что вывела из борьбы не один экипаж, а двум ребятам из Франции стоила жизни, Гальяно безошибочно определил, в какую сторону нужно двигаться, а главное, когда буря пойдет на спад. Тогда он объяснил все своим феноменальным везением. Просто постеснялся говорить правду. Похоже, крутой мэн Волков тоже стеснялся своего мертвого питомца. Или, скорее, боялся, что его самого примут за сумасшедшего. Что ни говори, а риск такой имелся.

– А погладить? – спросил Гальяно и улыбнулся. – Как-то же ты с ним коммуницируешь.

– Коммуницирую. Раньше у меня не получалось к нему прикасаться. – Волков тоже улыбнулся, скосил взгляд в проход. По проходу плыло сизое облачко. Гальяно присмотрелся и увидел! Легко увидеть, если знаешь, на что смотреть.

Пес был крупный. По крайней мере, в призрачном состоянии. Он крался, практически стелился по проходу.

– Можно? – спросил Гальяно и протянул к псу руку.

– Можно. Блэк, это свой.

Сизое облачко, все больше и больше похожее на призрачного пса, скользнуло Гальяно под ладонь. В первое мгновение он ничего не почувствовал, а потом кожу словно закололо мельчайшими иголочками. Не больно – скорее, щекотно.

– Это оно? – спросил он с почти детским восторгом.

– Оно самое. – Волков улыбался, и улыбка превратила его каменное лицо супермена в простодушно-мальчишеское. – Колется, да?

Гальяно кивнул. Еще раз провел ладонью по призрачной холке, сказал с плохо скрываемой завистью: – Я бы от такого домашнего питомца тоже не отказался.

Он проводил призрачного пса взглядом и в тот самый момент, когда уже собрался отвернуться, заметил необычное… Вероника тоже протянула руку. Со стороны казалось, что она что-то стряхивает со своих длинных пальцев, но теперь, когда Гальяно видел все куда более четко… Она ничего не стряхивала, она чесала призрачного пса за ухом! И чтобы ей было удобнее чесать, он положил свою башку на ее обтянутые джинсами коленки.

– Охренеть, – сказал шепотом Волков.

– Ты это тоже видишь? – так же шепотом спросил Гальяно.

– Да что там я! Она видит!

А Вероника, словно почуяв, что за ней наблюдают, убрала руку и отвернулась к иллюминатору.

– Может, нам почудилось? – спросил Гальяно с надеждой.

– Нам не почудилось, – произнес Волков уверенно. – Я таких, как она, за версту чую.

– Каких? – Гальяно умел думать быстро и анализировать информацию тоже умел. Волков обмолвился, что Блэк – это пес его жены. Получалось, что жена Волкова тоже видит призраков. Она видит, а Волков чует тех, кто видит. – Твоя жена – ясновидящая? – спросил он, уже не шепотом даже, а, вообще, едва различимо.

– Моя жена – ведьма, – в тон ответил Волков и неожиданно подмигнул Гальяно.

– Да, не повезло тебе, мужик…

Сказать, наверное, нужно было что-нибудь другое, что-нибудь восторженно-удивленное, но Гальяно выдал то, что думал. Это ж какие неудобства приходится терпеть, когда под одной с тобой крышей живет женщина, способная не только видеть тебя насквозь, но еще и превратить в лягуху одним только взмахом волшебной палочки. Или помела…

– Я уже привык. – Волков не обиделся, похоже, и в самом деле привык.

Может, они бы еще поболтали немного о том о сем, если бы корпус самолетика не завибрировал, из динамиков не раздался голос командира экипажа, а стюардесса модельной внешности не попросила всех занять свои места и пристегнуться. А может, они еще поговорят. Это ж страсть как интересно – поговорить про ведьм и призраков!

Веселов

Дамочка его нервировала. И осознание того, что его нервирует какая-то дамочка, выбивала Веселова из колеи. Надо было признать, что день не задался. Сначала Волчок, теперь вот… баба на борту. Хорошо, хоть пролетом, а не вместе с ними. Зачем им еще один балласт? Хватит и того, что имеется.

А еще у нее были ледяные руки. Настолько, что Веселова от ее рукопожатия холод пробрал до самых костей. И взгляд у нее был… неприятный, насмешливый такой взгляд. Веселов привык, что женщины смотрят на него одобрительно. Пусть не с таким кошачьим восторгом, как на Гальяно, но тоже очень даже заинтересованно. Он и был интересным, черт возьми! Молодой, перспективный, при деньгах и холостой! Единственный холостяк из всей их честной компании.

Да ладно восторг! Даже одобрения не было в этом взгляде. Она словно мысли его читала, словно поняла, что он про нее думает. Про нее и ее пребывание на борту. И ей не понравилось. Он, Веселов, ей не понравился.

Подумалось вдруг, что это очень даже хорошо, что они свалят, а она полетит дальше, до Хивуса. Неуютно рядом с ней. Неловко как-то. За слова, за мысли, за собственный взгляд. Вот и не хотел Веселов на нее пялиться. Не хотел, оно как-то само собой получалось. И если бы то, что он видел, принадлежало не Веронике, а какой-нибудь другой девушке, не возникло бы в душе такого раздрая. Не с того они начали знакомство, но теперь уж что… Слово – не воробей. Вроде и обижать никого не хотел, а вот как вышло. Другая бы и не поняла, а эта, вишь, как усмехается.

Веселов уселся у иллюминатора, рядом с пустующим сиденьем Гальяно. Гальяно о чем-то увлеченно беседовал с Волковым. Вид у обоих был заговорщицкий. Или это Веселову просто мерещилось всякое из-за душевного раздрая… Стоило брать пример с Чернова. Чернов сидел один, вольготно раскинувшись на двух креслах, и, кажется, дремал. Крепкая психика – залог хорошего здоровья! Чернова не волновали ни мажор, ни дамочка, отведенное для полета время он собирался использовать с максимальной пользой. Веселов решил последовать примеру товарища, откинулся на спинку и тоже закрыл глаза. Но нирвана длилась недолго, самолет выкатился на взлетную полосу и начал набирать скорость. Над ухом послышался вежливо-настойчивый голос стюардессы, рекомендующий пристегнуться и привести спинку сиденья в вертикальное положение. Вот же досада! Вроде и летят частным самолетом, а требования к пассажирам, как на чартере!

Веселов чертыхнулся и вертикализировался, но глаз открывать не стал. Так ему было проще, так никто не мог догадаться, что он боится.

А он боялся! В его жизни была только одна-единственная фобия – страх высоты и полетов. Он с ней боролся! Он так яростно с ней боролся, что даже летал в Штаты. Назло врагам и назло себе. Каким он сходил с трапа после этих многочасовых перелетов, знал только он один. Если рядом не было никого знакомого, он напивался. Алкоголь не спасал, но хоть немного глушил паническую атаку. То, что вот это липкое, тревожное, душу вынимающее – это паническая атака, рассказал Веселову очень дорогой и очень модный психолог. И даже объяснил причины. Причины – ясное дело! – уходили корнями в далекое детство, такое далекое, что он – ясное дело! – ничего не помнил. Оставалось верить психологу и надеяться на дыхательные упражнения и прочие медитации. Дыхательные упражнения казались вполне уместными в полумраке дорогого врачебного кабинета, но теряли всякий практический смысл на борту самолета, где напрочь отсутствовала всякая приватность. Оставался алкоголь!

Веселов бы и сейчас того… приложился! Он не сомневался, что на борту этого роскошного самолета найдется все самое необходимое для лечения, но экспедиция, но Вероника… Придется потерпеть. Ну, как-нибудь! Сцепить зубы и потерпеть!

Знал бы он, что ждет впереди, напился бы сразу, еще на земле. И плевать на все! Но он не знал, он закрыл глаза и, кажется, даже задремал, поэтому, когда самолет внезапно тряхнуло и швырнуло в воздушную яму, оказался не готов. Остатков мужества и силы воли хватило лишь на то, чтобы не заорать. Вмиг вспотевшими ладонями Веселов вцепился в подлокотники кресла и открыл глаза. У него еще была надежда, что это банальная болтанка, какие пару раз случались даже на его веку, но надежда разбилась вдрызг, стоило только увидеть напряженное лицо Чернова. Чернов не паниковал, но вот эта его сосредоточенность о многом говорила. И истерично подмигивающий свет в салоне тоже о многом говорил. А еще то, что творилось за бортом…

За бортом творилось светопреставление. По крайней мере, Веселову так показалось, когда он решился посмотреть в иллюминатор. Когда оно началось? Сколько они вообще летят? Когда он оказывался между небом и землей, у него напрочь исчезало чувство времени. У модного психолога имелось объяснение и этому факту, но Веселов забыл. Он враз забыл все, чему его учили в полумраке дорогого врачебного кабинета. Страх, первобытный ужас, уже поднял свою треугольную голову, и где-то в животе у Веселова начали свиваться в тугой клубок змеиные кольца безысходности. Хотелось вскочить и заорать во все горло:

– Мы все умрем!!!

Ему даже показалось, что этот вопль помог хотя бы на время отсрочить катастрофу, но его опередили. По салону, заглушая успокаивающее, но не слишком убедительное бормотание динамика, пронесся полный отчаяния и боли крик. Не его, Веселова, вопль, а кого-то другого.

Это было так неожиданно, что собственный страх отступил, и змеиный клубок в животе замер, затаился.

– Вадим! Вадим, помоги мне! – Голос показался Веселову смутно знаком, но во всей этой свистопляске и тряске он никак не мог узнать говорившего.

А Чернов уже отстегивал ремень безопасности, выбирался из своего кресла, обеими руками придерживаясь за спинки кресел, двигался вперед, на голос. Там, впереди, извивалось и билось в агонии тело. Оно билось с такой силой, что на мгновение Веселову подумалось, что это именно оно раскачивает, сбивает с курса самолет, что стоит только телу замереть, и все нормализуется. Значит, надо помочь. Значит, нужно спеленать и удерживать этого чертова мажора-наркомана. Нужно делать хоть что-нибудь, чтобы не сойти с ума!

Веселов тоже попытался подняться. Вспотевшие ладони скользили по подлокотникам, все никак не могли справиться с ремнем безопасности. Но ему нужно, просто жизненно необходимо встать…

– Голову держи! – Теперь бормотание динамика заглушал рев Чернова. – Волков, держи ему голову!

А по салону, прямо на Чернова неслась тележка с напитками. Наверное, ее плохо закрепили. А может, вообще не успели закрепить. Веселов тележку поймал, едва не вывихнув себе при этом плечо. Сейчас он не чувствовал боли, все его мысли занимало содержимое тележки. Бутылки с виски, коньяком и водкой опрокинулись, некоторые разбились, и салон теперь заполнял ядреный алкогольный дух. Вот она – его порция бесстрашия, плещется в уцелевшем шкалике. Один глоток – и он протянет еще пару минут. Наверное…

Ледяная рука сжала запястье в тот самый момент, когда его собственные пальцы сомкнулись вокруг бутылочного горлышка, и сквозь шум, рев, круговерть до него донесся голос:

– Это не поможет.

Она смотрела на него своим насмешливым взглядом. Насмешливым и совершенно спокойным, словно бы шум, рев и круговерть не касались ее никаким боком.

– А что поможет? – прохрипел Веселов, прикладываясь к бутылке. К черту вежливость и хорошие манеры! Ему бы протянуть еще пару минут.

Она не ответила, вместо этого положила холодную, как вечная мерзлота, ладонь Веселову на лоб. Положила, и сразу стало так хорошо! Словно бы до этого он метался в лихорадке, а теперь с этим холодом на лбу его отпустило. Прямо как в детстве, когда мама сбивала жар мокрым полотенцем.

– Убери тележку, мне нужно пройти. – Сказала, а сама убрала руку. Пусть бы не убирала, пусть бы позволила еще немного побыть в безопасности. Но она убрала, а ощущение безопасности не исчезло, не истаяло вслед за этим спасительным холодом. Наоборот, оно заступило дорогу панике, пнуло змей у Веселова в животе. Куда там медитациям и дыхательным упражнениям!

Еще до конца не веря в чудо, пошатываясь и едва не падая от непрекращающейся болтанки, Веселов встал, механическим жестом толкнул прочь тележку. Его сил и неожиданной храбрости хватило даже на то, чтобы помочь Веронике выбраться из кресла. Храбрости хватило, а здравомыслия нет. Ей нельзя разгуливать по салону этого пикирующего самолета. Ей вообще нельзя здесь находиться.

Но когда Веселов попробовал ее остановить, девица нетерпеливо дернула плечом, отмахиваясь от его руки и его заботы. И по проходу Вероника шла легко, словно болтанка на нее не действовала. Веселов подумал, что пробирается она к куче-мала, что устроили впереди мажор, Волков, Гальяно и Чернов. Но их спутница остановилась напротив запасного выхода, положила ладони на стекло, уставилась в темноту, которая вот-вот была готова ворваться в салон.

Что она там видела? Веселов не знал, но зато он знал, что видит сам. В тех местах, где подушечки ее пальцев касались стекла, оно словно бы покрывалось инеем. Сначала покрывалось, а потом тут же оттаивало, оставляя затейливые узоры.

Вероника смотрела, и он тоже смотрел, завороженный этими удивительными метаморфозами. А потом все закончилось. Она обернулась, глянула на него равнодушным, нездешним каким-то взглядом. А может, и не на него глянула. А если на него, то все равно не увидела, затем все с той же целеустремленностью направилась к мажору. Она шла, а за ней плыл туман. Или дым? Или у Веселова на нервной почве приключились галлюцинации?

Куча-мала к тому времени распалась на составляющие. А может, это очередной толчок ее развалил. Как бы то ни было, а никто и ничто не помешало Веронике приблизиться к мажору, встать перед ним на колени, сначала заглянуть в глаза, а потом крепко-накрепко сжать его голову в своих ладонях. Беснующийся мажор замолчал, всем телом подался вперед, потянулся к Веронике, как тянется к солнцу цветок. Веселов его понимал. Теперь понимал, помнил спасительный холод ее прикосновений, чувствовал подаренное ими спокойствие.

Вероника тоже потянулась, склонилась над мажором так низко, что Веселов вдруг с неожиданной ревностью подумал, что она собирается его поцеловать. Но она не поцеловала, она просто смотрела этим своим внимательным, отсутствующим взглядом. И никто из тех, кого раскидало по салону болтанкой, не пытался ни помочь, ни помешать. Все затаились точно так же, как безумный мажор.

Сколько длилось это странное безвременье, Веселов не знал, все его внимание, вся его суть была там, рядом с Вероникой и мажором. Она что-то сказала, шепнула что-то мальчишке на ухо, и лицо его перекосила судорога боли и ненависти. В это самое мгновение Веселов решил, что им всем довелось поприсутствовать на сеансе экзорцизма. И если этому чертову самолету удастся когда-нибудь приземлиться, будет что вспомнить на старости лет. Мажор снова забился, завыл почти по-волчьи.

– Помогите мне, – велела Вероника. – Подержите его минутку. – Ее голос был спокойный и уверенный. Ее хотелось слушать и слушаться.

Они послушались, все разом потянулись к ней и мажору. А серое облачко не то дыма, не то пара улеглось мажору на грудь, распласталось, придавило к полу. Конечно, этого не могло быть. Конечно, вследствие стресса и паники он увидел этакую галлюцинацию-лайт. Но, как бы то ни было, а мажор затих, позволил себя спеленать подоспевшим Чернову и Волкову. Гальяно, которому, чтобы удерживать равновесие, пришлось встать на четвереньки, в процесс усмирения не вмешивался, он просто провел ладонью по дымному облачку. Еще одна галлюцинация, вполне себе невинная.

Во всей этой суете с усмирением и сеансом экзорцизма они как-то не заметили, что болтанка прекратилась, самолет выровнялся, двигатели его теперь гудели ровно и уверенно, а из динамиков донесся бодрый, лишь с далекими отголосками пережитой паники голос пилота. Пилот рассказывал что-то про

сильную турбулентность и благодарил пассажиров за понимание, терпение и смелость. А в салоне вдруг материализовалась стюардесса. Она была бледна, аки смерть, но улыбалась. Если бы не эта бледность и струйка крови, сочащаяся из рассеченной брови, улыбка ее могла бы показаться вполне искренней. На подкашивающихся ногах она пыталась пробраться к куче-мала, но ей мешала тележка. Вожделенная тележка с вожделенным алкоголем. Веселов помог, чем мог: потянул тележку на себя, не глядя, нашарил в ее недрах какую-то бутылку и так же, не глядя, не чувствуя вкуса, сделал большой глоток. Сначала сделал, а потом вдруг с кристальной ясностью осознал, что ему не страшно. Совсем-совсем не страшно! И пережитое на борту этого дорогущего самолета он будет вспоминать не с ужасом, а с удивлением.

А затихшего, снова отключившегося мажора уже усаживали и фиксировали в кресле. Сопровождался этот процесс тихой, с оглядкой на присутствующих в салоне дам, руганью. Чернов и Гальяно вернулись на свои места, по ходу прихватив из тележки по бутылке. Прихватили так же, как до этого Веселов, не глядя и не выбирая. Вероника тоже вернулась, устало опустилась в кресло. Веселов понял, что устало, по тому, как она упиралась ладонями в подлокотники, по тому, как дрожали длинные пальцы. Почему-то в этот момент ему показалось, что если бы хватило смелости и наглости коснуться ее кожи, то не осталось бы в ней спасительного холода. Вон и на щеках полыхал румянец – нездоровый и лихорадочный.

Смелости хватило лишь на то, чтобы протянуть Веронике бутылку.

– Будешь? – спросил он светским тоном.

– Что, прямо из горла? – уточнила она с насмешкой. На насмешку ее сил еще хватало.

Веселов потянулся к тележке, выудил из ее недр чудом не разбившийся бокал, плеснул в него содержимое своей бутылки. Это был коньяк, весьма дорогой и весьма приличный, такой не стыдно предложить даме. Он и предложил.

Дама не стала больше выделываться, по-мужски, одним махом, опрокинула в себя коньяк, крепко зажмурилась и задышала открытым ртом. Это был такой обычный, такой человеческий жест, что Веселова сразу же отпустило. Все хорошо! Все самое страшное позади! Да и страшное ли? Он прислушался к себе,

пытаясь отыскать в животе змеиный клубок. Клубка больше не было. Обычно он раскручивался и растворялся уже после приземления, часов черед пять, но не на сей раз. На сей раз Веселов не чувствовал ничего, кроме усталости и сонливости. Это было хорошо, это отвлекало от того, что произошло в самолете и с самолетом. Не хотелось ни вспоминать, ни обсуждать произошедшее с остальными. Выжили и выжили! Или, может, он слишком драматизирует, и ничего из ряда вон выходящего не случилось? Вон – все спокойные и отрешенные. Чернов снова закрыл глаза. Волков деловито возится с мажором. Гальяно пялится в иллюминатор. Вероника о чем-то сосредоточенно думает, настолько сосредоточенно, что ее черные брови почти сошлись на переносице. В этом задумчиво-отрешенном состоянии она хороша. Вот просто по-женски хороша, без всяких «если». Если бы еще не была такой… стервозной.

Вот и полезли «если». Веселов усмехнулся и закрыл глаза, а открыл их, лишь когда кто-то легонько тронул его за плечо. Прилетели! Они прилетели, а Веронике еще лететь до загадочного города Хивуса по каким-то своим загадочным личным делам. Какие у нее могут быть личные дела на краю земли? Кто она вообще такая?

Спросить бы, да как-то неудобно. Да и как спросить, если в этот самый момент она о чем-то вполголоса разговаривает с Волковым. Волков, чтобы поговорить с ней, даже сменил дислокацию, оставил мажора одного. Веселов поморщился, ему казалось, что все нынешние проблемы у них именно из-за этого вот обдолбанного мальчишки, из-за этого Волчка! А еще бесило, что с мальчишкой носятся, как с писаной торбой. Все носятся, даже Вероника. Особенно Вероника. А потом он вдруг вспомнил про клубок в животе, прислушался к себе, пребывая в полной уверенности, что вот сейчас змеи очнутся и заворочаются. Не очнулись. Их больше не было!

Волков сказал что-то шепотом и легонько коснулся Вероникиной руки. Это был жест не ласки, а благодарности. Вероника улыбнулась в ответ нормальной человеческой улыбкой, безо всякого этакого. И когда Волков вернулся на свое место, посмотрела на Веселова. Во взгляде ее не было насмешки, только лишь любопытство и, кажется, удивление.

– Нам скоро выходить, – сказал Веселов, чтобы хоть что-то сказать и заполнить эту неловкость.

Она кивнула, помолчала немного, а потом добавила:

– Тебе не нужно бояться самолетов.

И откуда только догадалась! Вот он с берсерками уже почти пять лет летает, а никто так и не понял, не просек, какая у него фобия, а тут одного взгляда хватило, получается. Вдруг стало так стыдно, аж до жара внутри. Она просто видела его во всей неприглядности, ужас его видела. Он, здоровый, крепкий мужик, проявил слабость, а она увидела. На место стыда пришла злость. Веселов понимал, что это защитная реакция, но поделать с собой ничего не мог.

– Я не боюсь, – процедил он сквозь сжатые зубы.

– Теперь нет, – согласилась она. – И не будешь.

Захотелось сказать какую-нибудь грубость, и Веселов отвернулся, уставился в серую мглу за стеклом иллюминатора. Раньше он иллюминаторы всегда закрывал и без лишней надобности в них не смотрел, а сейчас вот посмотрел и, кроме злости, не почувствовал ничего: ни дрожи в коленках, ни противного холодка в хребте. Просто иллюминатор. Просто серая мгла за стеклом, а где-то далеко внизу – крошечные огоньки. Самолет пошел на посадку, и вестибулярный аппарат Волкова привычно напрягся. Он и сам напрягся, ожидая подвоха, ожидая не плавного снижения, а стремительного падения.

Не случилось падения. Пилот посадил самолет так мягко и так мастерски, что Веселов почти не почувствовал посадки. Легкий толчок не в счет. Особенно после того, что они пережили в воздухе.

Самолет еще катился по взлетной полосе, а они уже начали собираться, натягивать куртки и шапки. Волков паковал мажора. Тот был в сознании, но на происходящее реагировал вяло. Хорошо, что вяло, потому что, если бы снова начал буянить, Веселов бы ему врезал. Честное слово, врезал.

С Вероникой прощались тепло, как со старой знакомой. Гальяно даже выразил надежду, что они еще свидятся в Хивусе, Волков улыбнулся, а Чернов одобрительно кивнул. И только Веселов ничего не сказал, лишь молча протянул руку для прощального рукопожатия. Ее пальцы были привычно холодными. И когда только он успел привыкнуть?! Пожимал он их осторожно, не так, как в первый раз, и в вырез ее рубашки не смотрел. Принципиально!

Волков

Как же паршиво он себя чувствовал! Нет, не в физическом смысле – в моральном! Он знал причину, понимал, с чего вдруг весь этот душевный дискомфорт. Причина с безучастным видом сидела в кресле, смотрела невидящим взглядом прямо перед собой. А до этого орала, бесновалась и билась в корчах. Волкову тоже хотелось ударить. Кто бы знал, как сильно! Но он держался из последних сил, потому что понимал, чувствовал и свою вину тоже.

Его не напугала турбулентность. Он был волком, но жизней ему отмерили, как кошке. Так сказала однажды жена Арина, и сомневаться в ее словах у него не было никаких оснований. Волков сомневался в себе самом. Пожалуй, впервые за всю свою сознательную жизнь. Сомневался и винил. А винить было за что. Себя не обманешь. Себя обманывать – это последнее дело. А правда такова, что он сподличал. Ладно, не сподличал, но смалодушничал. Смалодушничал тогда и, кажется, смалодушничал сейчас…

…Это был ресторан «для своих», не самый крутой, не самый известный. Или, лучше сказать, широко известный в узких кругах. Здесь Волкову назначил встречу клиент. Потенциальный клиент. И разговор им предстоял очень серьезный. Волков знал предысторию, понимал, о чем его попросят, понимал, что не сможет отказать. Клиент ему не нравился. Темная лошадка из темного, не слишком блюдущего закон, мира. Но просьба – а это была именно просьба, почти мольба! – просьба оказалась такой, что ни отказаться, ни забыть, ни мимо пройти. Похитили ребенка, девочку-подростка тринадцати лет. Плод юношеских страстей и ошибок, но плод любимый, тщательно оберегаемый. Настолько тщательно, что о существовании у клиента внебрачной дочери знали только самые близкие, самые доверенные. И вот кто-то из этих самых-самых подставил, вогнал нож в спину, ударил по больному.

Сначала девочку искали своими силами. А силы эти были немалые, прикормленные высокие полицейские чины били себя кулаками в грудь, обещали помочь. Служба собственной безопасности землю рыла. Все впустую. Девочки и след простыл. И похитители не выходили на связь. Это было самое страшное, потому что нет ничего тревожнее и безнадежнее, чем похищение без требований выкупа. Прошла неделя, по городу пошла едва различимая волна

тревоги и ожидания непоправимого. Волна эта добралась и до Волкова, постучалась в двери его дома, прикинувшись серым невзрачным человечком. Человечек был поверенным, одним из самых-самых, одним из тех, кого нельзя сбрасывать со счетов. Человечек протянул Волкову мобильный телефон. Тогда, стоя на пороге своего дома, Волков и договорился с будущим клиентом вот об этой встрече. А потом показал фото девочки Арине. Просто чтобы понимать, если ли смысл искать и бороться.

Арина разглядывала фото очень долго и очень внимательно, Волков уже было испугался, что девочки нет в живых.

– Она спит, – сказала Арина наконец. – Она спит и почти не просыпается.

Это могло означать только одно: девочку накачали психотропами. А еще это означало, что девочка все еще жива.

– Она слабая. – В голосе Арины была тревога. Женщины всегда тревожатся, когда речь идет о попавших в беду детях, даже если это чужие дети. – Она долго не выдержит.

– Значит, надо спешить. – Волков спрятал фотографию в карман.

– Я позвоню Анук. – Арина погладила улегшегося между ними Блэка. – Анук умеет искать.

– Я тоже умею искать. – Он поцеловал жену в кончик носа, – но ты все равно позвони. И привет от меня передай.

Анук, старая ведьма с колючим взглядом черных, как ночь, глаз, давно звала их с Ариной в гости на чашечку кофе. Чернов любил кофе, но, сказать по правде, побаивался Анук, поэтому в гости ездили только Арина с Марусей, а он всякий раз ссылался на неотложные дела. Нынешнее дело действительно было неотложным, а еще очень важным. Если Анук сможет помочь в поисках девочки, он не станет отказываться. А пока пробьет кое-что по своим каналам.

Он и пробил. На встречу с потенциальным клиентом пришел уже подготовленный, уже почти решивший ввязаться в это дело. Потенциальный

клиент оказался таким же серым и невзрачным, как и его поверенный. В мире темных лошадок и серых кардиналов цвет и яркость не значили ровным счетом ничего. Клиент перешел к делу тут же, без предисловий и экивоков, сразу после знакомства назвал сумму. Это была очень большая сумма, ее запросто хватило бы на то, чтобы Волкову с Ариной не пришлось думать о Марусином образовании. Хорошем образовании. Очень хорошем. Волков был готов работать и за гораздо меньшие деньги, но отказываться не стал, понимал, что будет тяжело. Понимал, что шансы найти девочку живой тают с каждым днем и нужно действовать очень быстро. Он уже начал действовать. И Арина с Анук тоже. Анук сварила кофе, а потом разложила карты. Анук поговорила с одной ей ведомыми, но страшно строптивыми духами и описала место. Волкову оставалось только его найти. Иголка в стоге сена, но хоть что-нибудь. Для начала сойдет. Для начала можно спросить у клиента, знает ли он похожее место.

Это было очень важно, это требовало полной сосредоточенности и самопогружения. Из этого мог бы выйти толк, если бы не мальчишка!

Как он проник в этот закрытый, только для «своих» ресторан?! Как прошмыгнул незамеченным мимо четырех бодигардов и двух поверенных?! Волков не знал, но очень хотел бы узнать.

Парень был под кайфом. И, наверное, он был сумасшедшим. По крайней мере, веяло от него не болезнью, а вот этим затхлым болотным духом душевного нездоровья.

– Нам нужно поговорить. – Он стоял перед Волковым, сунув руки в карманы драных джинсов. – Мне нужно тебе что-то сказать, попросить тебя нужно…

Он стоял и раскачивался с носков на пятки и смотрел одновременно отчаянно и нагло.

– Ты кто? – спросил тогда Волков. Его было сложно чем-то удивить, но этому растрепанному, сероволосому и черноглазому пацану удалось. Волков даже про клиента забыл. На целых пять секунд.

– Я – Ник, – сказал пацан и перестал раскачиваться. – Моя мама… – Он сглотнул, и кадык на его шее нервно дернулся. – Моя мама умерла.

– Соболезную. – А что еще он мог сказать этому ненормальному и абсолютно незнакомому парню?

– А отец умер еще раньше… – Пацан усмехнулся. – Я его даже не помню. Представляешь?

– Я своего тоже. – Волков виновато посмотрел на клиента. Клиент терял терпение. И драгоценное время.

– Получается, теперь у меня остался только ты. – Пацан поежился, как от студеного ветра. – Мне нужна помощь… Андрей.

– Вы знакомы с этим молодым человеком? – Голос клиента звучал одновременно вежливо и холодно. Время заканчивается, а терпение уже иссякло.

Волков отрицательно покачал головой.

– Первый раз вижу.

– Тогда позвольте мне. – Клиент сделал знак, и упирающегося, орущего какую-то околесицу пацана упаковали, а чтобы не орал, легонечко дали под дых. Дали бы еще, но Волков не позволил. Засвербело что-то в груди, заныло. Не любил он такого… избиения младенцев не любил. И даже если младенец выглядел как наркоман со стажем, и даже если нес какую-то ахинею.

Пацана убрали быстро, так быстро, что даже духа его не осталось. Духа не осталось, а порванная кожаная фенечка осталась, упала на паркетный пол прямо к ногам Волкова. Повинуясь странному порыву, фенечку он подобрал и сунул в карман куртки.

– Не понимаю, – сказал клиент задумчиво, – не понимаю, как этот парень здесь оказался. Нужно к хренам менять всю охрану.

Волков ничего не ответил, не выходил у него из головы пацан. Что он тогда кричал? Что ему нужна помощь? И по имени его назвал… И мимо бодигардов как-то просочился.

Он не стал тратить время на размышления о превратностях судьбы и удивительных встречах, его время теперь стоило очень дорого, и он был намерен распорядиться им максимально эффективно…

… Девочку он нашел на третий день. Подключил всю свою агентурную сеть, привлек художников и студентов-айтишников, чтобы искали дом, описанный Анук. Деревянный одноэтажный дом, выкрашенный в зеленый цвет. Палисадник с кустом шиповника. Крыльцо с тремя ступеньками, нижняя прогнила. На окнах решетки в форме полусолнца. С крыльца видна водонапорная башня. На башне цифры 1975 и разоренное аистиное гнездо. Пахнет железной дорогой. Слышен гул поездов. Это уже Арина – про запах и гул. Девочка иногда просыпается, ей холодно и все время хочется пить. А это Маруся. Марусю помогать никто не просил, но такая уж у него дочурка. Такие уж у нее способности.

Информации было много, но сколько в стране старых домов с прогнившими ступенями! Сколько их стоят рядом с водонапорными башнями и железными дорогами!

– Близко, – сказала Арина. – Километров пятьдесят от города. Близко!

Он не стал спрашивать, уверена ли. Раз сказала, значит, уверена.

– Девочка больше не просыпается и ей больше не холодно, – добавила Маруся, укладывая любимую куклу в игрушечную постель.

Как же ему хотелось спросить у Маруси, жива ли эта девочка! Но он не стал, не захотел пугать дочку. Он просто утроил усилия и ограничил радиус поисков сотней километров.

Дом нашел студент-айтишник. Сначала на гугл-карте, а потом в фотоархиве районной передовицы отыскал снимок водонапорной башни, той самой, с выложенным красным кирпичом годом 1975.

С собой Волков взял Блэка и розовую девичью футболку, которую из корзины с грязным бельем достала мама девочки, еще не старая, но враз растерявшая и молодость, и красоту женщина.

– Она жива? Вы скажите мне, пожалуйста, моя девочка жива?

– Она жива, и я ее найду. – Никогда он так не делал. Это неэтично и непрофессионально – давать такие обещания. Но Волков сам был отцом и знал, какой ответ хотел бы услышать, окажись он на месте этой несчастной.

Блэк взял след у железнодорожной станции. Поезда здесь останавливались всего два раза в сутки. Волков специально уточнял. Он копнул носком ботинка почерневший от сажи и грязи снег, нащупал под мышкой кобуру и сказал:

– Веди, Блэк.

Из трубы старого, выкрашенного зеленой краской дома шел дым. А рядом с крыльцом стояла, зарывшись носом в сугроб, древняя «копейка». Значит, хозяин на месте. Волков очень надеялся, что этот гад дома. Он уже знал, на кого открыл охоту. Теперь он знал про похитителя все.

Клиент ошибался. Его единственную дочь похитили не конкуренты и не враги. Его дочь похитил двадцатидвухлетний, добропорядочный с виду гражданин. Один из тех, кого с теплом вспоминают школьные учительницы. Один из тех, кто переведет старушку через дорогу и поставит на дому укол захворавшему соседу. А если нужно, то и не укол, а капельницу, потому что, работая фельдшером на «Скорой», вену учишься находить, не глядя. И к препаратам имеешь доступ, к тем самым препаратам, от которых тринадцатилетняя девочка спит и никак не может проснуться. Оно, наверное, даже и хорошо, что не может проснуться, что ничего не видит, не чувствует и не помнит. Не нужно ей такое чувствовать и помнить.

Волков считал себя хладнокровным и расчетливым, но даже ему стоило великого труда остановиться, не доломать и не додушить этого визжащего, корчащегося на грязном полу мозгляка. К тому времени, когда рядом с «копейкой» с ревом замер реанимобиль, а два черных джипа сопровождения едва не снесли палисадник, он уже отключил девочку от капельницы и укутал в свою куртку.

Ему хватило одного только взгляда на ворвавшегося в комнату клиента, чтобы понять сразу две вещи. Этот человек сделает все возможное, чтобы его дочь ничего не вспомнила, а если и вспомнила, то очень быстро забыла. И тип, который посмел сотворить с ней все это, не доживет до суда.

А и плевать! Как отец, Волков его понимал. Понимал и не осуждал. Он лишь подумал, что нужно обязательно поговорить с Марусей, чтобы не доверяла улыбчивым незнакомцам.

Домой он вернулся смертельно уставшим, сел прямо у двери, уткнулся затылком в стену, закрыл глаза.

– Все хорошо? – спросила Арина. Она стояла перед ним босая, взъерошенная, словно со сна, но Волков точно знал, что жена не спала. Когда он уходил на задание, в ней что-то включалось, какой-то резервный генератор, она могла не спать сутками. Бдила, следила, пыталась подстелить соломку.

– Все хорошо. – Волков обхватил Арину за талию, притянул к себе. Он пришел с мороза, куртка его была припорошена снегом и, кажется, пахла железнодорожными шпалами. – Мы ее нашли.

– Нашли. – Несмотря на холод, Арина прижалась к нему всем телом, потерлась горячей щекой о щетину, сунула руку в карман его куртки, достала кожаную фенечку. Ту самую, про которую он уже и думать забыл. Он забыл, а она вот… нашла и теперь разглядывала с той же сосредоточенностью, с которой пару дней назад смотрела на фотографию похищенной девочки.

– Это не мое. – Волков чуть отстранился, принялся стаскивать куртку. Сейчас бы в горячую ванну, чтобы смыть с себя и запах шпал, и чужие эмоции, и собственные воспоминания.

– А чье? – Арина смотрела то на него, то на фенечку в своей руке.

– Да так, одного пацана.

– Одного пацана? – Теперь она глядела только на него, прямо ему в глаза. И взгляд ее был такой… туманом подернутый взгляд. – Моя мама умерла, – сказала она вдруг таким тоном и таким голосом, что на мгновение Волкову показалось, что перед ним сейчас стоит не его жена, а тот самый обдолбанный пацан. Захотелось отступить на шаг, отшатнуться даже. Но удержался, спросил онемевшими вдруг губами:

– Ты о чем, Арина?

Она моргнула, туман рассеялся, словно его и не было, а кожаная фенечка выпала из разжавшихся пальцев. Волков нагнулся, поднял, внимательно посмотрел на жену. Сейчас будет откровение. Он уже знал, что откровения не избежать. Знал и боялся. Хотя чего ему бояться-то? Что он сделал такого?

– Тебе сказать как есть? – спросила Арина очень серьезным, непривычно серьезным тоном. – Не готовить тебя? Не ходить вокруг да около?

– Как есть. – Он вздохнул и решительно кивнул. – Давай, любимая, режь правду-матку!

– Ты ведь не знаешь, что это за парень. – Она не спрашивала, она утверждала. – Ты видел его лишь однажды.

– А говорила, что не будешь ходить вокруг да около. – Он снова вздохнул. – Да, я его не знаю. И не представляю, откуда он знает меня.

– Он тебя знает, потому что ему рассказала о тебе его мама. Перед смертью рассказала. – Арина осторожно, словно боясь обжечься, провела кончиками пальцев по его щеке. – Она очень боялась, что он останется совсем один, и поэтому рассказала. Всю жизнь молчала, а потом решила, что так будет правильно, что ему важно знать правду.

– Мне тоже важно. – В горячую ванну теперь хотелось просто невыносимо, но от правды-матки в ванной не скроешься. И от Арины, когда она вот такая, тоже не скроешься.

– Он твой брат, Андрей. – Арина положила руки ему на плечи, заглянула в глаза.

– У меня нет братьев. – Пусть она ведьма, но ведьмы тоже могут ошибаться. Особенно когда вопрос касается родных и любимых. Она сама так говорила. И Анук тоже что-то такое рассказывала.

– Есть. – Ее голос звучал твердо, хоть и ласково. – Один сводный брат точно есть.

– Тот… щенок?.. – Он не хотел никого оскорблять, как-то само собой вырвалось.

– Тот мальчик, – поправила Арина. – У вас общий отец и разные матери.

Волкову хотелось сказать, что она ошибается, что что-то напутала, блуждая в этом своем… астрале. Он уже почти и сказал, но Арина его опередила:

– Что ты знаешь про своего отца, Андрей?

Что он знает? Он знает, что отец его был классным и веселым. Он работал нефтяником, и поэтому вся жизнь маленького Андрея делилась на две почти равные части: папа дома и папа на вахте за полярным кругом. Ничего необычного, привычный для них всех ритм жизни.

– Полжизни тут, полжизни там, – сказала Арина едва слышно. – Жизнь пополам…

– Этого не может быть. – Волков уже знал, куда она клонит. Банальнейшая история, если разобраться: мужчина живет на две семьи. Кто угодно, только не его отец!

Отца отняла у них с мамой автомобильная авария. Андрею тогда было всего двенадцать лет, но он на всю жизнь запомнил тот страшный январский вечер, серое мамино лицо и телефонную трубку, которая выскользнула из руки и повисла на проводе. И голос из трубки, механически бубнящий что-то успокаивающее. Тогда Андрей тоже подумал – кто угодно, только не его папа…

– Мне очень жаль. – Арина снова коснулась кончиками пальцев его щеки, и было не понять, о чем она сожалеет – о том, что отец Волкова ушел из жизни в расцвете сил, или о том, что оставил после себя еще одного… сына.

– Ты уверена? – спросил Волков, хотя уже знал ответ.

– Ему очень тяжело сейчас. Он потерял мать.

– Арина, я понимаю. – Все-таки он отстранился от любимой жены, и между ними тут же юркнула едва различимая тень: Блэк улегся у Арининых ног. – У него горе, но он… он не маленький мальчик, не ребенок! Он может все это вынести и

пережить.

– Может. – Она погладила Блэка по холке, и на мгновение пес приобрел явственные очертания. – Но он пришел за помощью к тебе.

– Это он зря. – Волков не понимал, кого винит в данный конкретный момент: давно умершего отца, оказавшегося предателем, пацана, который в свои восемнадцать с небольшим казался безнадежным торчком, или себя, не готового принять правду. – Из меня хреновый помощник.

– Из тебя очень хороший помощник, – возразила Арина твердо. – Поверь, я это точно знаю.

– Мне не нужен какой-то посторонний брат.

– Он не посторонний.

– Он наркоман, Арина! Он конченый наркоман! Ему не братская любовь нужна, а доза! Можешь мне поверить, я разбираюсь в людях.

– Тише. – Она обернулась на закрытую дверь детской. – Маруся спит.

Волков виновато улыбнулся. Когда Маруся спит, разговаривать на повышенных тонах нельзя. Разговаривать на повышенных тонах с любимыми вообще нельзя, но сегодня как-то не получается держать себя в руках.

– Даже если так… – Арина могла быть упрямой, чертовски упрямой. – Если бы у меня была сестра, мне было бы наплевать на все. Если бы у меня была сестра, я бы ее любила.

– А я не люблю, – сказал Волков очень тихо и очень твердо. Он тоже умел быть твердым. Старался не злоупотреблять, но сегодня не получалось. – Я не могу любить совершенно незнакомого мне пацана. Ты уж меня прости! – И он снова отстранился, второй раз за этот вечер. Второй раз за всю их семейную жизнь. – Мне бы помыться… устал как собака.

Блэк понимающе мотнул головой, про собачью усталость он знал не понаслышке. Или призрачные псы не устают? Надо бы спросить у Арины, но они с Ариной вроде как немного поссорились. Первый раз за всю их семейную жизнь…

Теплая вода не принесла облегчения. И виски двенадцатилетней выдержки тоже не принес. В голову лезли мысли. Это был тяжкий, никому не нужный вихрь. Мысли лезли, а Арина – нет. Арина ушла в их спальню. Хорошо хоть в их, а не в гостевую. Этого бы Волков точно не вынес.

Всю ночь он не сомкнул глаз – думал, искал компромиссы. Компромиссы все никак не находились. Наверное, ему могла бы помочь Арина, но Арина спала. Или делала вид, что спит. Скорее всего, делала вид…

Ну не получалось у него принять и смириться! Никак не выходило. Не всплывал в памяти светлый образ младшего брата, а всплывал настоящий – молодой обдолбанный отморозок, нуждающийся в очередной дозе. Какой там, к чертовой бабушке, брат! Нет у него никакого брата! Нет и никогда не было…

Арина больше не вмешивалась. Не просила подумать, не напоминала. Не сказать, что она вела себя как-то иначе, не так, как раньше. Не сказать, что она его осуждала. Но покоя не было. Не было покоя его душеньке! И не только из-за Арины, которой бы хотелось младшую сестру, а из-за пацана. Мысли снова лезли в голову, одна дурнее другой. На шестой день мучений Волков не выдержал и занялся тем, что получалось у него лучше всего – поиском людей. Поиском одного конкретного человека.

Этот конкретный человек нашелся довольно быстро, уже через двенадцать часов на столе лежало досье на Волкова Никиту. Если и были сомнения – а они были! – то досье это уничтожало всякие надежды прямо на корню. Тот самый городок за полярным кругом, куда отец улетал на вахты, та же фамилия, и даже отчество совпадает. Только мать другая. Мать этого… братца работала экономистом в той самой нефтедобывающей компании, замужем никогда не была, единственного сына воспитывала одна. По мере сил. Сил хватило на то, чтобы отправить любимую кровиночку учиться в Москву в не самый престижный, но и не самый захудалый вуз. А вот на воспитание кровиночки сил, похоже, не осталось.

Парень чудил! Еще с малолетства попадал в поле зрения полиции, но как-то все обходилось. Наверное, благодаря матушкиным стараниями. В нефтяной конторе она дослужилась до главного экономиста, наверняка в своем городке имела и вес, и влияние. А началось все… Волков еще раз пересмотрел дело. А началось все в тринадцать. Был хороший мальчик – мамина радость. Музыкальная школа по классу фортепиано. Секция рукопашного боя. Олимпиады по английскому. Был да весь вышел, покатился по наклонной. Сигареты, алкоголь, травка… А до кучи – два месяца в заведении закрытого типа. Элитном, дорогом, но не суть. Волков еще не решил, что чувствует, листая досье на собственного единокровного брата. В том, что щенок – его брат, сомнений почти не осталось. Да, если заморочиться, можно провести генетическую экспертизу, но Волков заморачиваться не хотел. Он разглядывал несколько давних фотографий и пытался найти хоть какое-нибудь сходство этого… брата с отцом или с собой.

Сходства не было. Пацан оказался похож на свою мать. В досье имелись и ее фотографии тоже. Высокая, черноволосая, сероглазая, высокоскулая – красивая нездешней, северной красотой. Была в ней кровь детей тундры, может, изрядно разбавленная, но все равно ощутимая. В пацане от этой экзотики почти ничего не осталось, разве что волчий какой-то разрез глаз, разве что острые скулы. И красота, та самая – северная и нездешняя. От красоты тоже почти ничего не осталось, но на ранних, еще детских, снимках она была. На детских снимках мальчишка не скалился, а улыбался. А потом ему исполнилось тринадцать, и хороший мальчик, мамина радость, слетел с катушек. Или с катушек он слетел уже в Москве, после смерти матери? Сколько времени прошло? Волков проверил – получалось три месяца. Слететь с катушек можно и за гораздо меньший срок.

Если бы у него имелось время, он бы разобрался со всем неспешно: с чувством, с расстановкой. Как-нибудь постарался бы смириться с неизбежным. Но времени не осталось, потому что поступил еще один заказ, причем от такого человека, отказывать которому Волкову очень не хотелось. С одной стороны – гонорар, которого хватит уже не только на образование Маруси, но и на образование всех их с Ариной будущих детей. А с другой – интерес. Его личный интерес к делу. Дело обещало быть… затейливым. И Хивус, город, в который предстояло отправиться, находился близко от того самого городка, где родился… пацан. Разумеется, близко по северным меркам.

Волков мог бы уехать на задание, а потом вернуться и разобраться, но он не привык оставлять дела нерешенными. Даже такие сложные и неприятные дела. Особенно такие сложные и неприятные. Значит, придется решать. В кратчайшие

сроки.

Как он станет решать и разбираться, Волков еще не придумал, положился на интуицию и провидение. Интуиция и провидение подвели. Иногда такое случалось, и на старуху бывает проруха. Он шел по следам пацана, как волк по следам подраненного оленя. Олень петлял, оставлял за собой кровавый след, но от преследования все время каким-то чудом уходил. Волков побывал в «Тоске», где узнал о пацане много интересного и нелицеприятного. А заодно выяснил, что в «Тоске» собирались берсерки. Те самые берсерки, с которыми ему предстояло отправиться на край земли. Они об этом еще не знали, но он знал наверняка.

«Время еще терпит, – сказал заказчик, – я вас дождусь, а вы пока присмотрите за остальными». Остальные – это те самые берсерки, крутые парни, бравые ребята, с которыми можно хоть на край земли. Волков знал это наверняка, потому что навел справки. А еще он знал одного из берсерков. Падение в овраг в славном городке Дымный Лог и последовавшая за ним кома не прошли для Волкова бесследно. Давняя травма спины время от времени давала о себе знать. Арина в делах такого рода была не сильна, Анук тоже. Пришлось искать врача. Хорошего врача. Вот так они и познакомились с Черновым. Познакомились, а потом не то чтобы подружились, но взаимной симпатией и уважением прониклись.

То, что берсерки и пацан оказались в одном месте в одно время, можно было считать знаком судьбы, но Волков в знаки не верил, хоть и был женат на самой настоящей ведьме. Или не хотел верить? За беседой с Жертвой, хозяином «Тоски», последовала беседа с одной в равной степени симпатичной и недалекой девицей, у которой удалось узнать адрес пацана. Вот только пацана дома не оказалось. Волков прождал его до позднего вечера, а потом приезжал к этой унылой пятиэтажке в спальном районе еще четыре дня подряд. Можно было выставить перед домом наблюдение, но он считал это дело личным и не хотел посвящать в него посторонних. С мальчишкой нужно поговорить с глазу на глаз, без свидетелей.

Арине про свои поиски Волков тоже не говорил. Она сама догадалась. Она многое знала. Или чувствовала?

– С ним беда, – сказала она, когда они уже лежали в супружеской постели, и Волков раздумывал, не стоит ли пускать в ход тяжелую артиллерию и

форсировать поиски пацана.

Он не стал спрашивать, кого она имеет в виду, он спросил другое:

– Передоз?

– Нет. – Арина покачала головой. В темноте он скорее почувствовал, чем увидел это движение. – Что-то другое, что-то темное.

– Темное – это… магическое? – Волков уже перестал удивляться тому, что в его лексикон вошло вот такое словечко. Как говорится, с ведьмой жить…

– Не знаю. Я разговаривала с Анук. Анук его не видит. Карты его не видят. Понимаешь?

– Нет. – Теперь уже Волков покачал головой.

– Как будто его нет.

– Нет человека, нет проблемы… – сказал он шепотом. Как бы ему хотелось, чтобы этого человека не было в его жизни!

– Человек есть, но карты Анук его не видят, – упрямо повторила Арина.

– И что это может значить?

– Я не понимаю. Я знаю только одно, Андрей, ты должен найти его как можно быстрее.

– Как можно быстрее не получится, потому что послезавтра я улетаю на Север.

– Значит, ты должен найти его завтра, – сказала Арина с несвойственной ей настырностью.

– А если после экспедиции? – Он все еще пытался найти компромисс.

– После экспедиции будет уже поздно. – Настырность уступила место непоколебимой уверенности.

Волков вздохнул.

– Хорошо, – сказал он после долгой, почти драматической паузы, – я попробую.

– У тебя получится. – Его волосы взъерошило теплым ветерком, и одеяло вдруг начало сползать на пол. Само собой.

– Снова эти твои ведьмовские штучки? – спросил он с затаенной радостью, потому что, если в ход пошли «ведьмовские штучки», можно считать себя реабилитированным. Можно даже рассчитывать на весьма интересное завершение этого дня…

Следующий день постучался в окна их дома ледяной крошкой и порывистым ветром.

– В такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит, – сказал Волков, отхлебывая кофе из своей любимой чашки.

– Выгонит. – Арина сидела напротив, в ее руках была точно такая же чашка, только поменьше. – И тебя выгонит, и собаку.

Лежащий у ее ног Блэк вскинулся, забил хвостом.

– Обоих прогонишь? – спросил Волков недоверчиво.

– Обоих. – Она улыбалась, но во взгляде была тревога. – Забери его с собой.

– Кого? Блэка?

– Да.

Блэк снова вскинулся, на пузе подполз поближе к Волкову.

– К… пацану или вообще?

– И к брату, и в экспедицию.

– То есть ты отдаешь мне самое дорогое, что у нас есть после Маруси? Ты отдаешь мне свою собачку?

Собачка переводила внимательный взгляд с Арины на Волкова.

– Пусть он будет с тобой. Мне так спокойнее. – Арина отставила чашку с недопитым кофе.

– А тебе неспокойно? – осторожно поинтересовался он.

– Я бы полетела с тобой сама…

– Ты не полетишь со мной на край земли. – Он не дал ей договорить.

– Я не полечу, но что помешает Блэку?

Блэку не помешает уже ничто. Для призрака нет ни помех, ни преград. И лютые морозы ему не страшны, и дальние перелеты. Волков вообще подозревал, что Блэк умеет телепортироваться, возникать из ниоткуда и в никуда же исчезать. Может быть, поэтому он и не стал спорить, решил, что в любой момент сможет телепортировать пса обратно к Арине и Марусе. Блэк тоже не возражал против прогулки на край земли. Но сначала им предстояло прогуляться к старой пятиэтажке…

На сей раз им повезло: в окнах пятого этажа горел свет. А в оранжевом прямоугольнике света маячила черная фигура. Фигура собиралась открыть окно. Сначала открыть окно, а потом сигануть вниз…

Дверь в квартиру была железной, вышибить такую не удалось бы даже совместными усилиями, поэтому Волков вытащил из кармана набор отмычек. С замком пришлось повозиться чуть дольше, чем обычно. То ли от волнения, то ли еще по какой причине. Как бы то ни было, а несколько секунд он потерял и, когда распахивал дверь, боялся, что вся эта возня напрасна. Если парень

шустрый – а с виду он очень даже шустрый! – то можно уже не спешить. «Скорую» и полицию вызовут соседи.

Пацан все еще балансировал на подоконнике в проеме уже распахнутого настежь окна. Волков замер, опасаясь спугнуть, решая в голове десяток задач сразу, просчитывая варианты и исходы. Исходы по-прежнему не радовали, Волков все еще мог не успеть.

– Привет, – сказал он, когда мысли и планы в его голове наконец отформатировались. – Привет… брат.

Это было правильное слово, единственное слово, которое могло заставить идиота на подоконнике помедлить. Хоть на пару секунд.

– Я тебе не… – Парень хотел сказать «Я тебе не брат», но оборвал себя на полуслове. Он смотрел не на Волкова, а на крадущегося к подоконнику Блэка. – Опять? – спросил с каким-то непонятным отчаянием в голосе.

– Ты его видишь? – Волков сделал осторожный шаг от двери.

Это было бы любопытно, если бы не драматизм происходящего. Блэка видели единицы, только те, у которых имелась сила. Или дар. Или магические способности. Или те, кто, как и сам Волков, достаточно долго находились рядом с источником этой самой силы.

– А ты? – В голосе пацана было отчаяние пополам с удивлением. Мальчишка качнулся вперед-назад, но удержал равновесие. – Ты это тоже видишь?

Под кайфом. Нет никакого особенного видения и силы, а есть дурь, которая сносит крышу и вызывает галлюцинации. Нужно спешить.

– Я вижу, успокойся. – Волков сделал еще один шаг, а Блэк сиганул на подоконник.

Блэк сиганул, а пацан отшатнулся в сторону. Хорошо, что в сторону комнаты, а не улицы. Волков успел, ухватил его за капюшон худи, дернул с подоконника, заломал. Пацан рычал, отбивался и извивался. Секция рукопашного боя. Ну да,

ну да… Волков не ходил ни в какие секции, но какой-никакой опыт у него имелся. А еще наручники. Просто так, на всякий случай.

Кровать в этой узкой, загаженной комнатенке оказалась железной, крепить к ее изголовью наручники – одно удовольствие. А вот смотреть на беснующегося пацана – удовольствие сомнительное. Но Волков заставил себя смотреть. Надавил братцу коленом на грудь, одной рукой зафиксировал голову, пальцами второй потянул вверх веко.

На него смотрел волк. Дикий, желтоглазый, скалящийся в бессильной ярости. Это длилось всего мгновение, но Волкову хватило впечатлений. Блэку, кажется, тоже, потому что шерсть у него на загривке вдруг встала дыбом, как наэлектризованная, он припал на передние лапы и безмолвно зарычал, готовый к атаке. К атаке на кого? Или на что?

– Блэк, стоять! – рявкнул Волков и еще сильнее надавил пацану на грудь. – А ты не рыпайся!

Парнишка перестал рыпаться. Кажется, он отключился, обмяк и повис, прикованный к изголовью ржавой кровати. Волков снова потянул веко вверх, на сей раз не без опаски. Глаз был обычный, человеческий. Белая склера в красных прожилках сосудов, край темной радужки. Никаких тебе волков. Примерещилось. Им двоим с Блэком примерещилось. Блэк крался к пацану на полусогнутых, тянул шею, скалил зубы, принюхивался, а потом успокоился, улегся возле кровати, положил голову на лапы.

Рассуждать над тем, что же произошло, Волкову было недосуг, он вытащил из кармана мобильный, набрал номер частной «Скорой помощи». Уж эти ребята точно знают, как поступать в таких случаях.

Ребята знали. Ребята действовали быстро и споро: провели осмотр, взяли анализы, промыли желудок, поставили капельницу.

– Следов от инъекций нет, – сказал Волкову один из них. – Значит, наркотик принимал перорально.

– Какой? – Волкову было неинтересно. Гораздо больше его волновал вопрос не «какой», а «когда».

– Не знаю. – Врач пожал плечами. – Экспертиза покажет, а пока мы проведем ему стандартную детоксикацию.

– Долго? – Волков посмотрел на часы.

– В себя он придет не раньше чем через сутки.

Через сутки Волкову уже требовалось находиться в самолете, лететь на край земли.

Первой мыслью было бросить пацана как есть. Второй – сдать в какую-нибудь лечебницу. Бросить – это не вариант. Арина не поймет и не простит. Лечебница – это тоже не вариант. Официально они друг другу никто. Можно, конечно, попробовать неофициально, но нужно время, а времени нет. Третий вариант не нравился Волкову больше всего, но представлялся единственно возможным.

– Блэк, ты присмотри за ним, – сказал он, проверяя крепость фиксации пациента. Перед приездом «Скорой» наручники он предусмотрительно снял, а теперь предусмотрительно приладил обратно. – Я за вещами и обратно.

Блэку присматривать не хотелось, шерсть на его загривке все еще вздыбливалась, а вдоль хребта бежали яркие искры.

– Я знаю, дружище! – Волков провел ладонью по хребту и почувствовал, как ладонь закололи тысячи иголочек. – Мне он тоже не нравится. Давай ради Арины, а? Она жалеет всяких… щенков.

Блэк вздохнул, положил голову на лапы. Ради Арины этот пес был готов даже умереть во второй раз…

Гальяно

До чего ж веселый у них выдался перелет! Захочешь забыть, да не забудешь. Болтанка была нешуточная, такая, что впору вспомнить все свои былые

прегрешения и раскаяться. А еще пацан, Волчок, как назвал его Веселов. Волчок давал показательный концерт. Он давал концерт, а они все были на этом концерте статистами. Все до единого, даже призрак пса участвовал в представлении, даже девица Вероника, которая не просто симпатичная девица, а из этих… из ведьм. Кстати, Гальяно показалось, что именно Вероника и усмирила Волчка. Каким образом, он думать не хотел, но факту этому был несказанно рад, почти так же рад, как бодрому голосу пилота в динамике. Если голос бодрый, значит, с покаянием пока можно повременить.

Дальше летели без приключений, только шандарахнули по стопочке для успокоения нервов. Пока летели, Волков успел о чем-то шепотом переговорить с Вероникой. Гальяно было любопытно, о чем они там шепчутся, но спрашивать он не стал, захотят – расскажут сами. А ему вот очень хотелось, чтобы Волчка оставили в салоне самолета и транспортировали до Хивуса по воздуху. На хрена им в пути этот бесноватый?! Наверное, Вероника не отказалась бы за ним присмотреть, если бы ее попросили. Но никто ее не попросил, а сама она не предложила. Ясное дело, она ж не дура, чтобы напрашиваться на неприятности.

Прощались с Вероникой тепло, почти по-родственному. Едва не случившееся крушение как-то враз их всех сплотило. Ну почти всех. Веселов Вероники сторонился, даже смотреть в ее сторону не хотел. Был он бледен и мрачен, а во взгляде его читалось что-то такое… отчаянно-решительное, вот только разбираться в этих странностях Гальяно оказалось недосуг, впереди их команду ждало еще очень много организационных дел.

Вещи побросали в заранее забронированной гостинице. Туча не поскупился: каждому достался персональный номер. Даже Волчку. Волчка тоже бросили в номере. Был он вялый и сонный, хоть и в сознании, больше не бузил – и на том спасибо. Гальяно очень надеялся, что Волков не потащит его с собой в гараж.

Волков не потащил. Как он там договаривался с пацаном, только им одним известно, но в холл гостиницы вышел один.

– Ну что, товарищи берсерки! Официально объявляю наше путешествие на край земли открытым! – Гальяно расчехлил камеру и направил объектив на мужиков. Мужики, все как один, отвернулись. – Эй, вы чего?! – спросил он возмущенно. – А контент? А рейтинги? А звездная болезнь и миллионы поклонниц?

– Без меня, – сказал Волков и отошел в сторонку.

– Я тоже что-то не в форме, – буркнул Чернов.

– И я, – виновато пожал плечами Веселов.

– И ты, Брут! – с укором сказал Гальяно, но камеру выключил. Ничего, мужики придут в себя, пообвыкнутся, расслабятся. Вот тогда он их тепленькими и возьмет.

К гаражу, где их уже ждали предоставленные спонсором автомобили, ехали на такси. Адрес был забит у Гальяно в телефоне, и он на всякий случай сунул его под нос таксисту.

– Да знаю я! – отмахнулся тот, лихо выруливая с гостиничной стоянки.

Так же лихо они домчались до гаража. Гараж был большой и – удивительное дело! – отапливаемый. Пришлось даже куртку расстегнуть, чтобы не упариться.

– По-другому у нас нельзя, – объяснил встретивший их хозяин гаража. Впрочем, Гальяно уже успел заметить, что это не только гараж, но еще и автомойка, и СТО. Он снова расчехлил камеру. Контент и все такое.

– А почему? – спросил с энтузиазмом. Не для себя спросил, а для тех, кто станет следить за их экспедицией.

– Холодно, – ответил хозяин гаража и пожал плечами. Он шел впереди, и снять получалось только его спину да бритый затылок. Так себе контент, если честно… – А вот и ваши автомобили! – В голосе вдруг послышался почти детский восторг. Гальяно его понимал, автомобили ему тоже нравились! – Приехали грязнючие! Я распорядился, чтобы помыли! – Хозяин ласково похлопал один из внедорожников по капоту.

– Это очень правильно! – похвалил Гальяно и направил объектив на автомобили. Выглядели они внушительно, даже грозно и тюнингованы были по-взрослому. Постарались спонсоры, все продумали.

– Картинки будете клеить сами? – спросил хозяин, кивая на стол, заваленный ворохом рекламных наклеек.

– Сами. – Гальяно вздохнул. Экспедиция экспедицией, а рекламу спонсорских товаров никто не отменял. Не было бы спонсоров, не случилось бы и самой экспедиции. Это надо понимать!

Веселые картинки клеили втроем, Волков терся в дальнем конце гаража и о чем-то разговаривал по телефону. Призрачный пес сидел у его ног. Удивительное зрелище!

– И продукты там, в багажнике. – Хозяин гаража наблюдал за их действиями с интересом. – Коробки, консервы, пакетики.

– Продукты, консервы, пакетики, – повторил Гальяно, а потом спросил: – А энергетик? Ящики с энергетиком… как же его! – Он прищелкнул пальцами. – «Северное сияние», кажется!

– Не знаю, – хозяин покачал головой. – Это, наверное, что-то ваше… столичное.

– Это как раз ваше, северное, – буркнул Гальяно и принялся изучать содержимое багажников. В салоне одного из автомобилей он нашел комплекты одежды. Красные, как пламя, куртки, шапки, перчатки, термобелье. Все ранжировано по росту и размеру. Общим числом шесть штук. Пятый, надо думать, для Волчка, а вот шестой…

– Значит, прилетели! – послышался за его спиной сиплый, словно простуженный, голос. – А то я уже думал, случилось что!

Они все разом, даже Волков, обернулись, уставились на обладателя сиплого голоса.

Это был невысокий, коренастый мужик в парке с капюшоном, отделанным мехом неведомого, но весьма косматого зверя. В руках он держал два ящика с энергетиком, тем самым «Северным сиянием». Похоже, ящики весили немало, потому что он бухнул их прямо на бетонный пол гаража, распрямился, потер поясницу и сдернул с головы капюшон. Стало ясно, что лет ему под пятьдесят,

что голова его лысая, как колено, а глаза черные, узкие и раскосые. На круглом, лунообразном лице глаза эти, казалось, жили своей собственной жизнью. Черные усики и редкая бородка без единого седого волоса придавали ему сходство с каким-нибудь монгольским ханом. Но откуда взяться сыну степей на Крайнем Севере! Очевидно, что перед ними стоял не сын степей, а тундры. Кто-то из представителей северных народов.

– Эрхан! – Мужик стянул перчатку и протянул руку Гальяно. На камеру он покосился со снисходительной усмешкой, но отворачиваться не стал, чем тут же заслужил любовь и уважение. Хоть один нормальный, колоритный и фотогеничный!

– Гальяно! – Он пожал сухую, мозолистую руку. Рукопожатие у Эрхана было крепкое, если не сказать цепкое. И взгляд раскосых глаз тоже был цепкий.

Остальные тоже представились и поздоровались. Даже Волков вышел из тени. На Эрхана он смотрел без удивления и без любопытства, словно заранее знал о его появлении. А может, и знал. Вот Гальяно тоже знал, что их экипаж будет укомплектован еще одним человеком, да позабыл из-за приключений, которые им довелось пережить в воздухе.

– Бывали уже в наших краях? – Эрхан расстегнул молнию на куртке.

– Не приходилось. – Гальяно снова направил на него объектив камеры и сообщил уже своим подписчикам: – Ребята, знакомьтесь, это Эрхан, наш проводник по белым дорогам Севера!

Белые дороги! Получилось красиво, даже поэтично! Вот так и можно назвать их путешествие!

Эрхан усмехнулся в камеру. Вообще, у него было такое выражение лица, что казалось, что он все время улыбается и хитро щурится. Наверное, просто казалось.

– Блогер? Понимаю! – проговорил он все с той же усмешкой. – У нас тут тоже Интернет есть. Местами, – добавил он и, кажется, подмигнул в камеру. Вот молодец! Спаситель проекта, можно сказать!

Тему с Интернетом Гальяно тут же поддержал, расспросил и хозяина гаража, и Эрхана об особенностях и скорости Интернета, по ходу пьесы упомянул название СТО. Ему мелочь, а человеку приятно. Вдруг кто-нибудь из его подписчиков тоже решит смотаться на севера своим ходом, вот ему и гараж, и автомойка, и СТО! Тут же Гальяно вспомнил про Тучин энергетик, который тоже нуждался в рекламе. Он навел камеру теперь уже на себя, широко и вполне правдоподобно зевнул и сунулся к принесенным Эрханом ящикам. Ящики тоже были предусмотрительно оклеены наклейками с логотипом и названием энергетика.

– Сказать по правде, устали мы, ребята. А ведь экспедиция еще даже не начиналась! – Он выудил из ящика банку, ловко, одной рукой вскрыл ее и сделал большой глоток…

Наверное, этот адский напиток не просто так назывался «Северным сиянием», потому что, как только острые, как пики, пузырьки газа шибанули в нос, нечто подобное Гальяно тут же и увидел. От неожиданности он даже закашлялся, а потом с искренним восторгом сказал:

– Ого! Что они туда намешали?!

– Двадцать четыре часа, – с ухмылкой сказал Эрхан, глядя прямо в камеру.

– Что – двадцать четыре часа? – спросил Гальяно, откашлявшись и осторожно пригубив энергетик еще раз.

– Двадцать четыре часа ты теперь можешь не спать и не есть, если выпьешь эту банку до дна.

– Серьезно, что ли? – Этот вопрос тоже получился искренний, такой же искренний, как и слезы, которые катились у Гальяно из глаз после дегустации «Северного сияния». Вот Туча, вот беспредельщик! Мог бы и предупредить, что эта штука такая ядреная!

– Я как-то в тундру ходил, в пургу попал, – сказал Эрхан задумчиво. – Четыре дня в снегу просидел. Большая пурга была, руку протянешь – пальцы не увидишь. Пришлось ждать.

– Где? – спросил Веселов. Заинтересовавшись, он позабыл даже про свое нежелание сниматься.

– Я же сказал – в снегу. – Эрхан глянул на него удивленно, как на несмышленого ребенка. – В снегу тепло, – добавил с улыбкой.

– Тепло, но голодно? – предположил Гальяно.

– Почему голодно? – удивился Эрхан. – У меня мясо с собой было, строганина. И вот это, – он кивнул на банку в руках Гальяно. – Чтобы не уснуть. Когда сидишь без движения, начинает клонить в сон, а спать опасно.

– Можно замерзнуть? – снова сунулся Веселов.

– Почему замерзнуть? Задохнуться можно, если снегом заметет. Палка нужна, палкой можно дырку в снегу сделать, чтобы дышать и вообще… – Он пожал плечами. – А если уснешь, тогда все… заметет – не откопаешься.

– И ты вот так четыре дня с палкой и энергетиком под снегом просидел? – спросил Гальяно недоверчиво. Скорее даже для себя спросил, а не для зрителей.

– Почему только с палкой и энергетиком? – усмехнулся Эрхан. – Еще с телефоном и Интернетом.

Они переглянулись, переваривая услышанное, а Эрхан запрокинул широкое лицо к потолку и рассмеялся.

– Пошутил, типа? – понимающе сказал Гальяно. Проводник нравился ему все больше и больше.

– Пошутил. – Тот кивнул, теперь уже совершенно серьезно. – Телефон разрядился на второй день, а Интернет… Какой Интернет в тундре? Просто так сидел. Сидел, ждал, думал.

Они не стали расспрашивать, о чем же он думал в те темные и холодные дни. Наверняка все мысли его были о том, чтобы продержаться и не дать дуба. В любом случае каждый из них – Гальяно был в этом уверен – радовался, что

команда пополнилась не несмышленым новичком, а коренным жителем Севера, который может запросто просидеть несколько дней в снежной норе и не сойти с ума.

После того как закончили клеить на внедорожники веселые картинки, пересмотрели провиант, проверили техническое оснащение. По технической части у них были Чернов с Веселовым, и что-то им там не понравилось, чего-то не хватило. Они переговорили с хозяином гаража и отправились на поиски недостающего. Встретиться договорились в ресторане гостиницы, поужинать перед дорогой в человеческих условиях, еще раз обсудить детали предстоящей экспедиции. Добраться до Хивуса путешественники планировали за шесть-семь дней. Это если погода не подведет. На пути наметили себе населенные пункты, в которых можно будет передохнуть, заправиться и переночевать. Север хоть и был Крайним, но люди тут водились и даже как-то умудрялись жить. Вот и придется посмотреть, как живется человеку в таких экстремальных условиях! Сами посмотрят и зрителям своим покажут.

На ужин спустились все, даже Волчок. Был он дик, бледен и мрачен, ни с кем не заговаривал, ни на кого не смотрел. А вот Волков смотрел. Во все глаза смотрел на пацана, словно в любой момент ждал от него какого-нибудь подвоха. А может, и ждал. Воспоминания о недавнем представлении в самолете были еще свежи в их памяти.

Чернов тоже смотрел. Или правильнее сказать – присматривался, профессиональным глазом оценивал состояние Волчка, прикидывал, выдержит ли он дорогу, не станет ли для других проблемой.

– Ну что? – спросил у него Гальяно шепотом. – Как пациент?

– Дурь, похоже, выветрилась.

– А если ломать в дороге начнет?

– А если ломать начнет, Волков его заломает. Он обещал.

Волков выглядел так, что сомнения в том, что заломает, не оставалось. Он тоже был дик, бледен и мрачен. В какой-то момент Гальяно показалось, что эти двое, Волков и пацан, чем-то неуловимо похожи. Может быть, вот этой «дикостью».

– Ты тоже это видишь? – спросил он у Чернова. Они научились понимать друг друга с полуслова, в экстремальных условиях умение это очень выручало.

– На сына не тянет, значит, брат, – Чернов подтвердил его догадку.

– Выходит, брат. Потому и возится.

– Потому и возится.

– Но, согласись, как-то это не слишком профессионально – тащить такого проблемного персонажа с собой.

– Может, не было другого выбора? – Чернов глянул на приятеля искоса.

Гальяно хотел было сказать, что выбор есть всегда, но решил промолчать. Все-таки Волков не тот человек, который станет совершать необдуманные поступки без острой необходимости. Но раз уж возникла такая необходимость, так пусть он сам с пацаном и возится. А еще подумалось, что проблемы будут не только с пацаном, но и с Веселовым. Эти двое поглядывали друг на друга с явной антипатией. Из чего Гальяно сделал вывод, что Волчок даром что был под препаратами, но стычку в «Тоске» запомнил. Запомнил и обиду затаил. Веселов так точно затаил. Надо будет с ним поговорить. Все-таки одно дело – несмышленый пацан, и другое – взрослый опытный мужик. Даже как-то несерьезно.

Эрхан подошел к столу последним, вежливо поздоровался со всеми сразу, бросил внимательный взгляд на Волчка. Кажется, пацан ему тоже не понравился, но спрашивать он ничего не стал, не посчитал нужным. Хоть и зря, это ведь им троим ехать в одной машине: Волкову, пацану и Эрхану. Рушить сплоченную команду из-за каких-то чужаков Гальяно был не намерен. В конце концов, это их с парнями проект, а остальных, вот этих троих, им навязал Туча. Ну как навязал – порекомендовал. Уговор у них с Тучей был конкретный. Гальяно и берсерки получали возможность совершить свою полуэкстремальную экспедицию – на внедорожниках по белым дорогам Крайнего Севера. А в конце экспедиции Туча на несколько недель получал Гальяно, Волкова и Веронику в свое полное распоряжение. Да, именно в такой последовательности! Сначала лучший друг, не лишенный кое-каких способностей, с которым съеден не один

пуд соли. Потом – специалист по решению проблем. Потом – ясновидящая. Или ведьма, это уж как она там себя называет. Чернов и Веселов передохнут в Хивусе, насладятся северной экзотикой и улетят обратно личным бортом Тучи. Люди они, в отличие от Гальяно, серьезные и занятые, у каждого на Большой земле свои планы и свой бизнес, нечего им тратить время на чужие непонятные проблемы.

А проблемы ведь и в самом деле непонятные. Вроде как есть проблемы, а вроде как время еще терпит. И лишнего слова из Тучи не вытянуть. Сам ничего не понимает? Или не хочет раньше времени говорить? А может, это, вообще, такой экстравагантный способ вытащить закадычного дружка в свой Замерзайск? Просто так Гальяно еще хрен знает когда собрался бы, а так ломанулся по первому зову. Так уж у них было заведено, еще со времен самой темной ночи… От нахлынувших вдруг воспоминаний в нос шибануло запахом гари и тлена, а над головой закружил похожий на снежную поземку пепел.

Начинается… Гальяно отмахнулся и от запаха гари, и от пепла. Жест получился легкомысленный, почти дамский. Типа, ах, как у вас тут жарко, господа! Гальяно и в самом деле стало жарко, так жарко, что он даже взмок. Ох, начинается… Такие вот… глюки случались с ним крайне редко, но когда случались, отмахнуться от них вот так запросто не получалось. Это как аура перед мигренью, это предвестники чего-то темного и недоброго. Или, если угодно, предостережение.

Кто-то не слишком церемонно ткнул его в бок, что-то спросил.

– Что?.. – Гальяно невидящим взглядом уставился на Веселова.

– Ты же вроде как энергетика выпил, а спишь на ходу, – сказал Веселов насмешливо. – Народ интересуется, во сколько мы выезжаем, господин капитан!

– Выезжаем?.. – Гарью больше не пахло, над столом витал острый аромат запеченной рыбы и еще каких-то северных деликатесов. – В пять утра выезжаем! Чтобы по холодку.

– По холодку? – Эрхан иронично приподнял одну бровь, и его круглое, словно циркулем нарисованное лицо, на мгновение утратило свою идеальную симметрию.

– Образно выражаясь. – Гальяно улыбнулся всем сразу, даже Волчку.

Волчок на него не смотрел, Волчок смотрел куда-то вниз и в сторону. Гальяно проследил за его взглядом и увидели Блэка. Ну как увидел – скорее уж, догадался, что это Блэк. И Волчок, стало быть, тоже догадался? Или это он просто так пялится?

По всему выходило, что не просто так, потому что призрачный пес вдруг оскалился. Волчок оскалился в ответ. Мама дорогая! С кем же им придется покорять Крайний Север! Сплошной эксклюзив! Из нормальных людей только Чернов с Веселовым, остальные все с… особенностями. Может, еще Эрхан нормальный, но рано делать выводы, слишком рано.

– Поедем по зимнику. – Гальяно не без труда отвел взгляд от призрачного пса. – Как там нынче зимник? Нормальный? – Он посмотрел на Эрхана.

– Зимник? – спросил Волков.

– Зимняя дорога, – пояснил Эрхан. – Зимой местные передвигаются по руслам замерзших рек, так удобнее. Зимники чистят спецтехникой. По мере сил.

– По мере сил? – спросил уже Чернов. – И на сколько этих сил хватает?

– По-разному. – Эрхан пожал плечами. – Многое зависит от погоды. Километрах в двухстах от города, говорят, зимник сильно переторосило. Если это верно, то придется попотеть.

Про торосы Гальяно знал, специально изучал матчасть, чтобы не задавать глупых вопросов, как Волков. Торосы, ледяные глыбы по ходу русла реки, могли стать большой проблемой для путников. Торосы приходилось объезжать по целине, зарываться в наст, откапываться, едва ли не волоком вытаскивать машины из снежной ловушки.

– Но есть и хорошая новость. – Эрхан широко улыбнулся, обнажая мелкие белые зубы. – Тебе, – он ткнул пальцем в Гальяно, – должно понравиться.

– Хорошие новости я люблю! – Тот приосанился, запоздало подумал, что надо было бы прихватить на ужин камеру. – Не томи, уважаемый!

– Ледокол, – сказал Эрхан коротко.

– Ледокол? – переспросили они все разом. Только Волчок, кажется, остался безучастным к происходящему.

– Мы встретим ледокол.

– Как это? – завороженно спросил Веселов. Он всего на мгновение опередил с вопросом Гальяно.

– Сезон такой. Ледоколы заходят в русло рек. Красиво. – Эрхан снова улыбнулся, а потом подмигнул Гальяно и добавил: – Эпично! Можете сделать селфи на фоне ледокола.

Селфи на фоне ледокола – это было не просто эпично, это было мегаэпично! Все присутствующие за столом переглянулись. А Гальяно уже мысленно придумывал название сюжету. Ледокол! Надо же!

По своим номерам разошлись сразу после ужина, не стали задерживаться. Перед дальней и сложной дорогой нужно было как следует отдохнуть и выспаться. Хотя бы попытаться. У Гальяно обычно так не получалось. Тонкая душевная организация не позволяла отринуть волнение. А еще, кажется, энергетик. Неужели правда про двадцать четыре часа?

Оказалось, правда! Ночью Гальяно не сомкнул глаз, но утром, как ни странно, чувствовал себя вполне бодрым. Чудеса современной фармакологии… Остальные тоже выглядели прилично. Кроме Волчка, но до Волчка никому не было дела. В теплом воздухе гостиничного холла витали нетерпение и жажда приключений. До гаража добрались на такси, и уже там, в гараже, разделились на экипажи, расселись по машинам. За руль их внедорожника уселся Чернов. Веселов был за штурмана, а Гальяно на заднем сиденье расчехлял камеру и готовился снимать прощание с цивилизацией. Вторым внедорожником управлял Эрхан, рядом с ним устроился Волков, а пацан маячил где-то на заднем сиденье. Призрачный пес Блэк решил прогуляться по холодку.

– Ну, с богом! – сказал Гальяно, и Чернов нажал на клаксон. Ответом им стал точно такой же гудок. Путешествие началось!

Веселов

Первым выдвинулся экипаж Эрхана, следом внедорожник, где находился Веселов. Яркий свет фар разрезал темноту, выхватывал из нее черно-белые картинки промзоны. Ехать решили по объездной, хотя Веселову хотелось бы еще разок посмотреть на город. Вчера как-то было не до прогулок, и он жалел, что не пересилил лень и усталость, не прошелся по узким улицам этого едва ли не последнего оплота цивилизации. Утешало лишь то, что пройтись у него бы и не получилось, разве что пробежаться трусцой. Потому что какие уж тут пешие прогулки, когда за бортом минус тридцать пять градусов?! И хоть девочка на ресепшене сказала, что погода, по местным меркам, хорошая, проверять ее утверждение Веселов не стал. Мерки у всех разные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/tatyana-korsakova/snezhit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити